

Н. Ермолович

По следам одного мифа

Предисловие переводчика

Работа по переводу данной книги на русский язык выполнена по лицензии Creative Commons CC BY 4.0.

Оригинал книги «По следам одного мифа» на белорусском языке может быть легко найден в интернете, но её перевода на русский язык до настоящего времени не существовало. Только одна глава из книги «Белорусское государство Великое княжество Литовское», посвящённая местонахождению древней Литвы и почти совпадающая с главой 3 настоящей книги, была переведена и размещена на нескольких сайтах, например, здесь: <http://www.petergen.com/history/ermal.shtml>. К сожалению, переводчики при этом допустили некоторые ошибки, например (по состоянию на 27.XII.2014, возможно, позже исправят): «пишет о борьбе немецких рыцарей с литовскими» – на самом деле речь идёт не о борьбе рыцарей, а о рыцарском поединке на турнире. Или: «В интермедии драмы Георгия Канинского» – фамилия автора драмы по-русски правильно пишется как Конисский.

Тексты цитат 2, 10, 12, 14, 16, 17, 23, 34, 76, 91, 98, 114, 123, 125, 131, 133, 139, 140, 182, 208, 210, 222, 242, 243, 245, 246, 296, 324, 325, 326 приведены в обратном переводе с белорусского без сверки с первоисточником.

Имена и названия даются в соответствии с их современными русскими написаниями: Делтува, Нальшаны, Вильнюс, Тракай, Новогрудок, Кярнаве, Тройнат, Товтивил, Едивид, Викинт и т.п., главным образом для удобства поиска. Не следует думать на этом основании, будто автор или переводчик считают такие варианты написания имён более или менее правильными либо более или менее историчными.

Ссылки на ПСРЛ, т. 2 даны на издание 1908 г. вместо издания 1962 г.

В цитатах из летописей диграф оу заменен на у, буквы омега, ижица и т.п. – на современные, однако буква ять сохранена.

Все иллюстрации и карта исторической Литвы опущены.

Для перевода использовано 2-е издание книги (1991 г.).

Предисловие автора

В исторической науке утвердилась концепция, согласно которой образование Великого княжества Литовского в середине XIII в. началось с завоевания литовским князем Миндовгом ряда белорусских земель, и в первую очередь так называемой Чёрной Руси с городами Новогрудком, Волковыском, Слонимом, Гродно и др. ¹ Казалось бы, такое редкое в науке единодушие должно опираться на бесспорные исторические сведения. Однако ещё в своё время Н. Дашкевич отметил, что «в вероятных источниках не дошло до нас никаких сведений о покорении Литвой этого участка» ². С того времени прошло более ста лет, но у исследователей так и не появилось ни одного источника, подтверждающего литовское завоевание как этой, так и любой другой белорусской земли ³.

Даже В. Пашуто в своей объёмистой работе о создании Великого княжества Литовского, где можно было бы ожидать детального рассмотрения данного исторического явления, говорит об этом как бы мимоходом: «В Черной Руси, которой Миндовг овладел в 40-х годах XIII в., воспользовавшись тяжелыми для Русской земли последствиями монгольского нашествия, княжил его сын Войшелк» ⁴. И всё же... этот исследователь, чья книга способствовала ещё большему укреплению в нашей историографии утверждения о литовском завоевании Беларуси, видимо, не был уверен в правильности этого и других своих тезисов, связанных с образованием и дальнейшей историей Великого княжества Литовского, если счёл нужным отметить: «Дальнейшие успехи нашей науки, вероятно, приведут к пересмотру многих предложенных здесь аргументов и выводов. Чем скорее это произойдет, тем лучше» ⁵. Да, пересмотр необходим. Современная историческая наука, перед которой поставлена задача ликвидировать все «белые пятна» нашего прошлого, не может мириться с бездоказательными утверждениями, и поэтому вопрос об образовании Великого княжества Литовского должен быть приведён в соответствие с истинными историческими свидетельствами.

Глава 1. На уровне XVI века.

Чаще всего тенденциозно искажается начальная история той или иной страны. Так случилось и с историей Великого княжества Литовского, первые страницы которой были до неузнаваемости искажены мифом о литовском завоевании Беларуси. Он имеет давнюю историю. Его возникновение относится к XVI веку, когда шла острая борьба Московского государства за белорусские и украинские земли, входившие в состав Великого княжества Литовского. При этом была использована не только военная сила, но и идеологические средства борьбы. Нужно было обосновать законность прав Российского государ-

ства на Беларусь и Украину. Это и было одной из целей литературно-публицистического произведения «Сказание о князьях владимирских», вышедшего в свет в первой трети XVI в. Поэтому в эту книгу и был включён раздел «Родословие литовских князей», содержание которого вкратце сводится к следующему.

Спасаясь от татарского погрома Батыя, некто Витенец, родом якобы из смоленских князей, бежал в Жемайтию (так здесь называется Литва), поселился там и женился на дочери бортника. Через 30 лет он был убит молнией. После этого жену Витенца забрал его раб, конюх Гегименик. И вот в скором времени московский князь Юрий Данилович послал этого Гегименика «на Волоскую землю и на Киевскую (т.е. в Украину) и на объ сю страну Меньска (т. е. в Беларусь)» собирать царскую дань. Гегименик, «мужь храбр зело и велика разума», собирая дань, разбогател, стал владеть многими землями и благодаря раздорам и междоусобицам среди русских князей стал первым великим князем литовским⁶. Политическая цель этой вымышленной истории про литовских князей Витеня и Гедимина очевидна: литовские князья, воспользовавшись тяжёлыми для Руси временами, самоуправно присвоили себе белорусские и украинские земли и ныне обязаны отдать их законным хозяевам – московским князьям.

Понятно, в Великом княжестве Литовском всё это не могло остаться без ответа. Тем более что в 1561 г. страна вступила в Ливонскую войну, и угроза потери белорусских земель стала реальностью: в начале 1563 г. войска Ивана Грозного захватили Полоцк. В этот критический момент и появились летописи, которые в современной науке принято называть белорусско-литовскими, так как, по мнению Н. Н. Улащика, они написаны на белорусском языке и в них излагается история Великого княжества Литовского. Именно они и созданная позже в значительной мере на их основе «Хроника» польского историка Матея Стрыйковского, помимо прочего, призваны были обосновать исторические права Великого княжества Литовского на белорусские земли, в т.ч. и на Полоцк, захваченный в тот момент российскими войсками. Захват литовскими князьями белорусских земель эти летописи и «Хроника» Матея Стрыйковского, как и «Сказание о князьях владимирских», также относят ко времени нашествия Батыя, только приписывают это другим действующим лицам, а именно жемайтским князьям. Почему именно им, станет понятным, если вспомнить, что Жемайтия (западная часть современной Литвы) в это время оказалась в более выгодном положении. В результате победы под Грюнвальдом (1410 г.) прекратились атаки на неё со стороны немецких крестоносцев. В то же время многочисленные войны XV–XVI веков между Великим княжеством Литовским и Московским государством велись на белорусских землях, что ослабляло

в стране позиции их феодалов. Жемайтское дворянство, ощутив свою силу, стало претендовать на первенство в государстве и поэтому стремилось приписать себе заслугу его создания. Решающую роль в подготовке «Хроники» Стрыйковского сыграл епископ Гедройц – идеолог жемайтский национальной группировки во 2-й половине XVI в. Он обеспечил Стрыйковского многочисленными и, по-видимому, тенденциозно отредактированными им летописями. Гедройц и финансировал печать «Хроники» в Кёнигсберге в 1582 г.

Поэтому неудивительно, что, согласно белорусско-литовским летописям и «Хронике» Стрыйковского, именно великий князь жемайтский Монтивил, увидев, что в результате нашествия Батыя земли Руси опустошены, а князья разбежались, предоставил войско своему сыну Эрдивилу, и тот, перейдя Вилию и Нёман, нашёл красивую гору, основал на ней город, назвал его Новогрудком и сделал своей столицей. После этого также отстроил другие города, разрушенные Батыем ⁷.

Авторы этих летописей и Стрыйковский до неузнаваемости запутали историю, попереставляли события, переименовали исторических деятелей, а то и просто совершали подлог. В этом отношении характерна передача событий, которая якобы привела к завоеванию Литвой Полоцка. Тут остались некоторые детали, дающие возможность восстановить историческую истину. В Ипатьевской летописи под 1162 и 1167 гг. рассказывается о междоусобной борьбе полоцких и минских князей. В 1162 г. полоцкий князь Рогволод пошёл на одного из минских князей Володаря Глебовича. Последний, уклонившись от боя днём, ночью выступил со своим войском, набранным из «литвы», на полочан и разбил их под Городцом. Поражение было катастрофическим, и Рогволод не решился возвращаться назад в Полоцк. Полочане взяли себе нового князя Всеслава Васильковича. В 1167 г. уже сам Володарь Глебович пошёл на Полоцк и победил полочан. Всеслав Василькович бежал из Полоцка в Витебск, а Володарь Глебович стал на короткое время полоцким князем, пока не был разбит на Двине ⁸.

Для авторов летописей эти события оказались очень удобными для обработки их в нужном направлении. В них события 1162 и 1167 гг. были объединены воедино, Володарь Глебович назван Мингайлом – сыном жемайтского князя Эрдивила, якобы правившего Новогрудком. В результате получилось, что Мингайло после смерти отца, разбив полочан под Городцом, захватил Полоцк и стал одновременно великим князем полоцким и новогрудским. После его смерти остались два сына, один из которых, Гингвил, стал якобы княжить в Полоцке. Он, женившись на тверской княжне Марии, принял христианство. После его смерти в Полоцке княжил его сын Борис, основавший город Борисов и построивший в Полоцке церковь св. Софии ⁹. Чтобы эти сведения вы-

глядели ещё убедительнее, Стрыйковский в «Хронике» утверждал, что своими глазами видел недалеко от Полоцка Борисов камень с надписью: «Помоги господи рабу твоему Борису, сыну Гингвилу»¹⁰. Нечего говорить, что всё это выдумка. Борисова камня с такой надписью никогда не существовало и не могло существовать, так как полоцкий князь Борис был сыном знаменитого Всеслава Чародея. И вообще, полоцкие князья не могли происходить от жемайтских, так как начали княжить задолго до последних. Речь может даже идти об обратном – о происхождении князей Литвы от полоцких, что имеет под собой, как мы увидим позже, реальные основания.

О том, как фальсифицировал Стрыйковский историю в сторону преувеличения литовской силы и опасности, красноречиво свидетельствует следующий факт, приведённый в своё время Н. Дашкевичем. Русские летописи под 1089 и 1103 гг. сообщают, что на русскую землю напали «прузи», т.е. саранча. Под пером польского хрониста XV в. Я. Длугоша «прузи» превратились в пруссов, одно из балтских племён. Стрыйковский же, взяв эту фразу у Длугоша, к пруссам добавил ещё литовцев и ятвягов. Так были внесены в «Хронику» вымышленные нападения пруссов, литовцев и ятвягов на русскую землю¹¹.

Таким образом, в XVI в. в Московском государстве и в Великом княжестве Литовском возникла версия про завоевание Беларуси Литвой. Только «Сказание о князьях владимирских» стремилось убедить читателя, что литовские князья совершили это по поручению московского князя, а белорусско-литовские летописи и «Хроника» Стрыйковского утверждали, что жемайтские князья взяли под свою опеку белорусские земли, опустошённые татарами, по собственной инициативе. Каждый из этих вариантов, как мы видели, соответствовал политическим целям враждующих сторон. В дальнейшем историческая наука выяснила, что не существовало никаких ни Монтвила, ни Эрдвила, ни Мингайлы, ни Гинвила. Но миф про завоевание Литвой Беларуси остался. Вместо них были найдены другие кандидаты на роль завоевателей, в частности, Миндовг, который и по сей день фигурирует в этой роли.

Живучесть версии о литовском завоевании Беларуси объясняется тем, что она была использована русской дооктябрьской* историографией с целью подтверждения реакционного тезиса о спасительном значении самодержавия для Российской империи. Официальные историки и конструировали схему, согласно которой Россия в результате упадка самодержавия слабела, а Литва якобы в результате зарождения сильной монархической власти Миндовга усилилась и в итоге стала для Русского государства таким же страшным врагом на западе, как татары на вос-

* Термин, использовавшийся в СССР для обозначения периода до 1917 г. – прим. перев.

токе. В. Татищев писал: «Тогда татары, нашед, всем обладали, литовцы бывшую под властью многую часть государства отторгнули»¹². То же самое повторил и С. Соловьёв: «Русь находилась между двумя страшными врагами, татарами с востока и Литвою с запада»¹³. Это же утверждали и другие историки XIX в. Неудивительно поэтому, что в дооктябрьской историографии тезис о литовском завоевании стал догмой.

К большому сожалению, и в советской историографии вопрос о создании Великого княжества Литовского не получил детального освещения. Поэтому в учебниках и трудах по истории литовское завоевание Беларуси принимается безоговорочно как нечто общеизвестное. Об этом свидетельствует и книга В. Пашуто «Образование Литовского государства» (1959), а также соответствующие статьи «Советской исторической энциклопедии» и другие издания. Вот характерное для современной исторической науки объяснение причин литовского завоевания Беларуси и образования Литовского государства: «Литовские князья со своими дружинами, используя феодальную раздробленность западных земель Руси и Польши, часто вторгались на их территории. Вторжения литовцев на западные земли Руси стала особенно частыми со второй половины XII в. В 20-е годы XIII в. дружины литовских князей хозяйничали в Полоцкой земле, нападая отсюда на южные окраины Смоленского княжества и Черниговщину. Литовские князья, используя тяжёлую борьбу русского народа с татаро-монголами на востоке и немецкими агрессорами на западе, стали подчинять своей власти земли западной Руси. Один из литовских князей Миндовг подчинил себе других князей Литвы и захватил земли по верхнему течению Немана. Этим было положено начало созданию Литовского государства. Его образование определялось интересами литовских феодалов, которые хотели укрепить своё господство над литовским крестьянством и установить свою власть в соседних землях Руси»¹⁴.

Таким образом, здесь определены следующие тезисы, касающиеся захвата литовскими феодалами белорусских земель:

- а) раздробленность белорусских земель и, как следствие этого, их слабость;
- б) частые литовские набеги на белорусские и соседние русские земли;
- в) борьба русских земель с монголо-татарами и немецкими агрессорами как фактор, облегчивший завоевание белорусских земель литовскими феодалами;
- г) захват Миндовгом белорусских земель, размещённых в бассейне верхнего Немана, как начало образования Литовского государства;
- д) его создание определялось интересами литовских феодалов.

Глава 2. Только ли раздробленность и слабость?

Раздробленными, погрязшими в междоусобицах и бессильными изображены в исследованиях и учебниках истории белорусские земли в XII–XIII вв. Они как будто остановились в своём развитии и лишь ожидали, когда кто-нибудь их завоюет и соберёт в единое целое, что якобы и сделала Литва, где в результате развития феодализма образовалась государственная власть, опираясь на которую литовские феодалы угнетали своих крестьян и завоёвывали чужие земли. Почему не могло образоваться государство в белорусских землях, где феодализм возник на несколько веков раньше, чем в Литве, и как обходились белорусские феодалы без государственной власти – на эти, как и на другие подобные вопросы историки почему-то не отвечают.

Такой взгляд на белорусские земли того времени следует из распространённой в исторической науке версии, согласно которой объединение Беларуси и образование белорусской народности и культуры происходило в XIV–XVI вв. после так называемого литовского завоевания Беларуси ¹⁵. На самом же деле всё было иначе. Процесс, собравший разделённые исторические области Беларуси в единое целое, и образование белорусской народности и культуры начались намного раньше XIV в. Как отметил академик Б. Д. Греков, «распад Киевской Руси прежде всего результат роста отдельных составных ее частей, каждая из которых стала проводить свою собственную политику, имея ввиду собственные цели» ¹⁶. Этим и было обусловлено появление новых экономических и политических центров, вокруг которых начали формироваться территории восточнославянских народностей (великорусской, украинской, белорусской).

Первоначальным ядром формирования территории Беларуси была Полоцкая земля. Как свидетельствуют научные исследования, Полоцкое княжество, жившее «своей собственной жизнью с момента своего появления на исторической арене» ¹⁷, «представляло наиболее самостоятельную политическую единицу древней Руси» ¹⁸. Размещённая на перекрёстке важнейших торговых путей и объединённая ими, Полотчина укрепились экономически и обогнала в своём развитии ряд других земель Киевской Руси ¹⁹. В отличие от них всех она имела отдельную княжескую династию Изяславичей. Здесь сложилась богатая оригинальная культура ²⁰.

Как отметил Л. Алексеев, класс феодалов Полотчины «раньше феодалов других земель начал расширять свою областную территорию» ²¹. Вот почему Полоцкое княжество, возникшее в IX–X вв. на небольшой территории по Западной Двине в районе реки Полоты ²², уже к концу XI в. «охватывало большую часть современной Беларуси. Оно лежало

в основном по Западной Двине, Нёману и Березине с их притоками»²³. Хотя в начале XII в. княжество разделилось на самостоятельные уделы, расширение его территории продолжилось. Самый сильный из полоцких уделов – Минский – выступал соперником Полоцка в дальнейшем собирании белорусских земель. Минский князь Глеб Всеславич использовал удобное географическое положение своего княжества, которое, находясь на водоразделе бассейнов Нёмана и Днепра, занимало ключевые позиции на важнейших торговых путях. Он стремился присоединить к своим владениям южные (припятские) западные (нёманские) и восточные (днепровские) земли. Для достижения этих целей он осуществил походы на Слуцк (1116 г.) и вместе с полочанами – на Новогрудскую и Смоленскую области (1119 г.)²⁴. Таким образом, уже в намерениях Глеба Минского очерчиваются основные контуры будущей Беларуси и центральное положение в ней Минска.

Однако расширение территории Полоцкой земли «не могло не привести к столкновению с интересами феодалов соседних земель»²⁵. Полоцкие князья совершали нападения на Новгород, Псков, Смоленск. Объединённые силы русских князей в свою очередь опустошали Полоцкую землю, разрушали её города, даже на некоторое время лишали её самостоятельности и присоединяли к Киеву, как, например, это произошло с Полоцком в 980 г., Минском в 1119 г., Полоцком в 1129 г. Но феодальная раздробленность, бывшая результатом феодального способа производства, являлась в то время закономерным и прогрессивным этапом исторического развития. Поэтому её ничто не могло остановить. Вот почему никакие решительные меры киевских князей не могли сдерживать дальнейшего политико-экономического развития Полоцкой земли. Феодальная раздробленность, как правильно отмечают исследователи, прежде всего проявилась в Полоцкой земле, что свидетельствует о более высоком уровне её социально-экономического развития в сравнении с рядом других земель²⁶. Это и было причиной того, что она, первой выделившись из Киевской Руси, в свою очередь сама стала дробиться на уделы. В каждом из них укрепился тот или иной род полоцких князей. Однако по-прежнему их всех притягивал полоцкий престол, имевший значение великокняжеского, за который между ними началась борьба. Она достигла наибольшей остроты в 50–60-е годы XII в.

Но феодальная раздробленность и связанная с ней политическая децентрализация и междоусобная борьба не могли продолжаться бесконечно. Дело в том, что в сердце самой феодальной раздробленности вызревали условия её отмирания. Создавая больше возможностей для освоения новых земель и природных ресурсов, роста городов, развития земледелия и ремёсел, феодальная раздробленность этим самым содействовала товарному производству, т.е. производству непосредственно

для обмена, для торговли. А это в свою очередь вело к экономическому и политическому сближению отдельных земель. Именно в Полоцкой земле, где раньше начался процесс феодальной раздробленности, он раньше и закончился. В результате этого и междоусобная борьба полоцких князей постепенно утихла значительно раньше, чем в других древнерусских землях. Во всяком случае она продолжалась не позже 1180 г., когда с исключительной яркостью проявилось единство Полоцкой земли. В походе на Друцк, подпавший под влияние Смоленска, участвовало шесть полоцких князей, т.е. вся земля. Правда, Л. Алексеев отмечает, что среди них не было минских князей. Но категорически утверждать этого нельзя. Если не было минских князей, то какие же были? В летописи, где сообщается об этих событиях, только для трёх князей указаны места их правления (Полоцк, Витебск, Логойск) ²⁷. Четвёртый князь Василько Брячиславич, как правильно считает Л. Алексеев, был князем в Заславле ²⁸. Но если в этом походе были логойский и заславльский князья, то разве можно считать, что там не участвовал минский князь?* Им мог быть Андрей Володшич, сын того Володши, которого в 1159 г. глебовичи посадили в поруб.

Почему же поход на Друцк вызвал такое единство полоцких князей? Потому что здесь речь шла о защите торгово-экономических интересов всей Полотчины, в частности, о владении важнейшим для Полоцкой земли Друцко-Ушачским волоком ²⁹. Без общности экономических интересов полоцких земель не могло быть такого ратного единства, которое проявилось в 1180 г. Правда, в 1186 г. логойский князь Василько Володаревич и друцкий князь Всеслав, видимо, под давлением Смоленска, не смирившегося с поражением 1180 года, вместе с ним и с Новгородом выступили против Полоцка. Однако этот поход окончился мирно ³⁰, и участие в нём логойского и друцкого князей не помешало утвердиться согласию среди полоцких уделов. Это подтверждают события 1195 г., когда полоцкие князья участвовали в походе на Смоленск и сыграли решающую роль в победе над ним ³¹. То, что в летописи используется выражение «полоцкие князья», говорит нам, что их было несколько, а возможно и все. Л. Алексеев почему-то утверждает, что Друцк и теперь находился под эгидой Смоленска, на стороне которого боролся против черниговских Ольговичей ³². Однако это явно противоречит летописи, в которой сказано, что друцкий князь Борис захватил в плен смоленского князя Мстислава Романовича и выдал его черниговцам ³³. Участие в этом походе друцкого князя свидетельствует, что военные действия 1180 г. не прошли даром: Друцк по-прежнему находился в тесном союзе с Полоцком и в сфере его влияния.

* *Изяславское и Логойское княжества – два удела Минского княжества, тесно с ним связанные. – прим. перев.*

По причине дальнейшего развития производительных сил феодального общества и расширения торговли начался процесс феодальной концентрации, на основе которого шло сближение отдельных территорий Полоцкой земли. И хотя уделы продолжали существовать ещё долгое время, междоусобная борьба между ними не отмечена в источниках, в отличие от, например, середины XII в. Экономические интересы брали верх и заставляли подчиняться им. В этом отношении характерна грамота полоцкого князя Изяслава (1265 г.), в которой он пишет: «Полотеск Видьбеск одно есть»³⁴. Эта грамота показывает и причину этого единства: торговлю по Западной Двине: «Полочаном Видьблянном вольное торгованье в Ризе, на Готьском березе и в Любце». Тут снова ярко проявляется картина того, как экономические интересы берут верх над отношениями князей. Политически Полоцк и Витебск – два княжества, а в экономическом отношении – «одно есть». Таким образом, нет причин говорить о междоусобицах князей в конце XII и в первой половине XIII в. О внутренней политической устойчивости Полоцкой земли в это время свидетельствует и то, что на полоцком престоле на протяжении 30 лет (1186–1216) сидел один и тот же князь – Владимир Полоцкий. Трудно найти в других древнерусских землях такой феноменальный для удельных времён факт. Сплочённости Полоцкой земли благоприятствовала и борьба с крестоносцами, о которой будет идти речь ниже. Всё отмеченное свидетельствует, что накануне и в процессе образования Великого княжества Литовского Полоцкая земля представляла собой более-менее единое целое и про междоусобную борьбу в ней не может идти речи.

В Турово-Пинском княжестве также наблюдалась тенденция к сближению с другими белорусскими землями, проявившаяся уже в начале XII в. Недаром же Глеб Минский пытался силой ускорить этот процесс, стремясь присоединить к своим владениям припятские земли, чем вызвал немалый гнев и жестокую месть киевского князя. В связи с этим нам хочется обратить внимание на следующий факт. Временно присоединив к своим владениям в 1119 г. Минск, киевский князь в 1131 г. отдал минскому князю Изяславу Туров и Пинск³⁵, находившиеся в сфере влияния Киева. Понятно, что дело не только в том, что Изяслав был их ставленником (в удельные времена все князья легко проникались местными интересами). Главное в том, что уже тогда, видимо, начали проявляться экономические связи Турово-Пинской земли с Минском и, как показала история, эти связи не были случайностью. Они всё время укреплялись, что и привело в будущем к объединению Турово-Пинской земли с остальной Беларусью.

В 1158 г. Туров вышел из-под власти Киева, и там осела самостоятельная линия князей. И хотя на территории Турово-Пинской зем-

ли возник ряд отдельных уделов (Туровский, Пинский, Дубровицкий, Слуцкий, Клецкий и др.), но их князья действовали сообща. В начале XIII в. Турово-Пинская земля, преодолевая стремление галицко-волинских князей подчинить её себе, всё более и более связывает свою судьбу с Новогрудской землёй. Недаром же в 1228 г. новогрудчане вместе с Ростиславом Пинским участвовали в борьбе против Даниила Галицкого, а в 1263 г. их князь Войшелк при помощи пинян завоевывал Литву³⁶. И эти связи не были случайностью.

Именно в конце XII и в начале XIII в. по уровню экономического и политического развития на первое место среди белорусских земель вышла Новогрудская земля, которую многие исследователи необоснованно называют Чёрной Русью (в то время она не носила такого названия). К большому сожалению, историческая наука уделяла ей слишком мало внимания и рассматривала её не как субъект истории, а лишь в качестве добычи соседей-завоевателей. Так, В. Пашуто характеризовал её как «весьма существенный фактор истории Литвы»³⁷. Вопрос о роли Новогрудской земли в истории Беларуси, в объединении белорусских земель наукой не разработан.

Сообщения летописей и в особенности археологические исследования, проведённые в последние десятилетия*, дают возможность по-новому взглянуть на эту историческую область Беларуси. Новогрудской земле выпала историческая роль стать во второй половине XIII в. ядром объединения белорусских и балтско-литовских земель в единое государство. В отличие от Полоцкой и Туровской земель она была сравнительно молодой исторической областью Беларуси, возникшей на левом берегу верхнего Нёмана. Её формирование началось с момента основания Новогрудка; о датировке этого события высказано несколько мнений. М. Дмитриев в 1858 г. утверждал, что Новогрудок был основан в 1116 г. сыном Владимира Мономаха Ярополком³⁸. Однако это не подтверждается известными источниками. М. Тихомиров считал, что Новогрудок впервые упоминается в 1212 г.³⁹ Он ссылаясь на следующую запись Ипатьевской летописи: «В лето 6720. Король отъя Перемышль от Лестька Любачевъ. Лестько же зжалиси о срамотъ своеи и посла к Новугороду по Мьстислава и реки братьми еси поиди и сяди в Галичъ»⁴⁰. Но здесь, как видим, речь идёт о каком-то Новгороде в Галицкой земле.

Но наиболее вероятно, что к Новогрудку относится запись в Софийской I летописи, где под 1044 г. сказано: «Ходи Ярославъ на Литву, и на весну заложил Новъгородъ и сдѣла и». Такая же запись под тем же годом имеется в Новгородской IV летописи⁴¹ и у В. Татищева⁴². Этот исто-

* Текст написан в 1960-е годы, позднее правился, поэтому исследования середины века тоже включены в последние десятилетия. – прим. перев.

рик был первым, высказавшим мысль, что упомянутый тут Новгород и есть Новгородок-Литовский ⁴³, т.е. современный Новогрудок. Но эта мысль была незаслуженно забыта. В её пользу говорит следующее. В вышеуказанных летописях основание Новогрудка связывается с походом Ярослава Мудрого на Литву. А в то время, как увидим, под Литвой понималась не современная Литва, а территория по верхнему Нёману. Данный поход Ярослава Мудрого имел своей целью завоевание этой Литвы. А. Ельский отмечал, что Новогрудок возник на границе древней Литвы и ятвягов ⁴⁴, и это совершенно верно, так как подтверждается летописью, в которой сказано, что поход на Литву Ярослав Мудрый совершил после похода на ятвягов в 1038 г. ⁴⁵. О ятвягах как населении Новогрудской земли в прошлом свидетельствует топонимика ⁴⁶. То, что ятвяги составляли значительную долю населения Новогрудской земли, говорит об их весомом вкладе в дело создания Великого княжества Литовского. Правда, Ф. Гуревич оспаривает указанную дату основания Новогрудка. Но её доводы весьма неопределённые: в одной из работ она утверждает, что этот город основан в первой половине XI в. ⁴⁷, в другой пишет, что во второй половине XI в. ⁴⁸, при этом не объясняет, почему она изменила своё мнение. Строительство Новогрудка должно было обеспечить господство Киева над ятвягами и Литвой, о чём и свидетельствует быстрое возведение города, которое, согласно В. Татищеву, продолжалось только весну и лето. Город одновременно стал и важным центром славянской колонизации, о чём свидетельствует следующее сообщение В. Татищева. На основании летописи, имевшейся в его распоряжении, он писал, что в 1119 г. минский князь Глеб вёл войну в Новгородской (т.е. Новогрудской) области, принадлежавшей одному из сыновей Владимира Мономаха ⁴⁹. Это сообщение, свидетельствуя про зависимость Новогрудка от Киева, в то же время показывает его рост, бывший результатом колонизации и группировки вокруг него определённой территории, что и привело к возникновению Новогрудской области. Ценной является и следующая информация о Новогрудке, которую снова находим у В. Татищева. Сообщается, что в 1130 г. киевский князь Мстислав после похода в Литву вернулся в Новогрудок, где заложил церковь (видимо, её остатки обнаружил М. К. Каргер в 1961 г. ⁵⁰), и далее пошел в Киев ⁵¹. Это сообщение подтверждает значение Новогрудка как опорного пункта киевских князей для походов на Литву.

Почти через век на страницах Ипатьевской летописи снова появляются сведения про Новогрудок. Под 1228 г. сообщается об участии новогрудчан вместе с туровцами и пинянами в коалиции с другими князьями в походе на Каменец против Даниила Галицкого ⁵². На основании этого можно считать, что борьба между Киевом и Галичем в то время шла

в значительной степени из-за Турово-Пинской и Новогрудской земель. Это тем более вероятно, что следующее сообщение Ипатьевской летописи под 1235 г. ясно показывает зависимость Новогрудка и Литвы от Даниила Галицкого: «Даниль же возведе на Кондрата Литву Миньдога Изяслава Новгородьского»⁵³. Самое ценное в этом сообщении то, что согласно ему, Новогрудок имел собственного князя. Но Новогрудок был не только центром отдельного княжества. Летописные сведения 50–60-х годов XIII в. дают основания говорить о наличии целой исторической области – Новогрудской земли⁵⁴.

К середине XIII в. Новогрудская земля достигла высокого уровня экономического и культурного развития. Этому содействовали следующие причины. Здесь было высокоразвитое сельское хозяйство, которому благоприятствовала плодородная, не требующая очень интенсивной обработки почва (в отличие от Подвинья). Новогрудская земля была страной развитых ремёсел. Тут выплавляли железо и было налажено производство разнообразных железных изделий, обрабатывались цветные и драгоценные металлы. Существовали гончарное, косторезное и другие ремёсла⁵⁵.

Всё это в первую очередь относится к самому Новогрудку. Так, по насыщенности находками железных изделий он – один из самых богатых городов⁵⁶. Можно предполагать, что одной из причин быстрого экономического роста Новогрудка было размещение рядом с ним богатых залежей болотной руды, о чём может свидетельствовать название близлежащего поселения Руда. Однако ведущей отраслью в Новогрудке была обработка цветных и драгоценных металлов. Труд золотых дел мастеров и ювелиров к XII в. приобрёл особенное значение. Он позволил горожанам накопить значительные богатства⁵⁷.

Одновременно археологические материалы свидетельствуют, что Новогрудок отличался не только высоким уровнем собственного развития, но и имел широкие внешние связи. Здесь особенно показателен следующий факт. Новогрудок, являющийся по размеру своей укрепленной части (2,5 га) небольшим городом, по находкам импортных предметов роскоши может соперничать с любым древнерусским городом, имеет уникальные вещи. Импорт Новогрудка позволяет с полным основанием считать, что в XII–XIII вв. город вёл активную торговлю русскими и заморскими товарами. Новогрудок вёл оживлённую торговлю с южнорусскими городами, с Полоцком, с Прибалтикой и Польшей, с Византией и Ближним Востоком⁵⁸.

В результате развития ремёсел, торговли и наличия густого сельского населения на сравнительно небольшой территории Новогрудской земли было много городов: столица, Слоним, Волковыск, Городень

(Гродно), Здитов, Зельва, Свислочь и др. Хотя в летописи они впервые упоминаются в XIII в., но, по археологическим данным, возникли значительно ранее – в конце X – начале XI в. Согласно Ипатьевской летописи, в Новогрудке (1235) ⁵⁹, Гродно (1128 и др.) ⁶⁰, Волковыске (1256) ⁶¹, Свислочи (1256) ⁶² были свои князья. Возможно, они были и в других городах, как, например, в Слониме (под 1281 г. в Ипатьевской летописи упоминается Василько Слонимский, возможно, князь). Значит, эти города являлись центрами отдельных уделов. Но все они группировались вокруг Новогрудка, чей князь, по-видимому, имел для них значение великого князя. Центральное значение Новогрудка и определило имя этой земли. Летописи не зарегистрировали ни одного случая междоусобной борьбы её князей. Новогрудская земля была страной развитого феодального общества. Уже в XI в. здесь господствовал феодализм и выделилась социальная верхушка общества, быт которой отличался исключительным богатством ⁶³. Наличие богатых погребений наряду с множеством безынвентарных свидетельствует о резкой классовой дифференциации общества Новогрудской земли ⁶⁴. О высоком социально-экономическом и культурном развитии Новогрудской земли говорят и археологические исследования Волковыска ⁶⁵, Слонима ⁶⁶, Здитова ⁶⁷. Особенно сильно в этом отношении выделялся Городень (Гродно). Археология свидетельствует о высоком и разностороннем культурном развитии этого города. Тут, как и в Полоцке, сложилась своя самобытная школа зодчества, наиболее выдающимся памятником которой является Коложская церковь ⁶⁸.

Новогрудская земля имела выгодное географическое положение, что в особенной степени проявилось в середине XIII в.: «В период двух больших бедствий, обрушившихся на Русь, Польшу и Прибалтику, – монгольского завоевания и крестовых походов – Белорусское Понёманье было относительно безопасной территорией» ⁶⁹. И поэтому оно с середины XIII в. стало убежищем для представителей населения многих областей Восточной Европы, спасавшегося от жестоких завоевателей с востока и запада ⁷⁰. Приток населения, разумеется, не мог не вызвать ещё большего развития производительных сил Новогрудской земли, что в первую очередь использовали для своего обогащения её феодалы. Обладая огромными богатствами, они были заинтересованы в установлении более сильной государственной власти, с помощью которой можно было бы обеспечить повиновение крестьян и ремесленников, захватывать новые земли.

Одновременно здесь в условиях совместного проживания этнически разнообразного населения сформировалась новая оригинальная культура. Археологические данные показывают, что в ней «искусно переплетались местные, южные и западные черты. Но доминирующая роль

оставалась за русской* культурой. Очень возможно, что именно в этих условиях были заложены первые основы белорусской народности»⁷¹.** Как видим, современные научные данные опровергают укоренившуюся ранее в науке мысль, согласно которой формирование белорусской народности и культуры началось после вхождения Беларуси в состав Великого княжества Литовского, т.е. где-то в XIV–XVI вв.

Всё вместе взятое – высокое экономическое развитие, приток населения, обусловившие дальнейший рост производительных сил, концентрация огромных богатств в руках новогрудских феодалов и дальнейшее укрепление их власти – увеличило политический вес Новогрудской земли среди других исторических областей Беларуси и дало ей возможность стать новым государствообразующим центром белорусских и размещённых среди них балтско-литовских земель.

Наличие смешанного дреговичско-кривичского населения и инвентарь могильников⁷², тип жилищных построек⁷³ убедительно свидетельствуют о тесных экономических и культурных связях Новогрудской и Полоцкой земель. Новогрудский храм XII в. носит заметные следы влияния полоцко-витебского зодчества⁷⁴. Не зря же некоторые исследователи считали, что Новогрудская земля принадлежала Полоцкому княжеству⁷⁵. Во всяком случае бесспорно, что процесс экономического и культурного взаимного сближения белорусских земель в XII–XIII вв. не только не обошёл стороной Новогрудскую землю, но и проявился здесь сильнее всего. Экономически сильные феодалы Новогрудка и взяли в свои руки дело собирания воедино белорусских земель, экономическое и культурное сближение которых началось ранее.

Значение Новогрудской земли как центра нового государства хорошо понимали галицко-волынские князья, сами претендовавшие на роль собирателей юго-западных и западных древнерусских земель. И поэтому её ослабление и захват были их целью. Но монголо-татарское на-

* Н. Ермолович в своём переводе цитаты на бел. яз. заменил этот термин на «ўсходнеславянскай» (восточнославянской). Необходимость такого уточнения была вызвана тем, что некоторые читатели, к сожалению, понимают термин «русский» исключительно в контексте связи с современной Россией. Термин «восточнославянский», имея в данном случае то же значение, лишён этой излишней коннотации и лучше показывает, что рассматриваемый регион был областью зарождения белорусской, а не русской культуры. – прим. перев.

** Н. Ермолович почему-то не приводит продолжение цитаты: «В свете наших материалов процесс формирования белорусской народности начался раньше – во второй половине XIII в.», несмотря на то, что оно прямо подтверждает его мнение о более ранней датировке соответствующих этнических процессов. – прим. перев.

шествие ослабило Галицко-Волынскую землю, и её князьям пришлось уступить роль собирателей этих земель Новогрудку.

Таким образом, в середине XIII в. центр политической жизни Беларуси переместился из Полоцка в Новогрудок, ставший центром зарождения новой государственности. Понятно, это не говорит об утрате Полоцком своего значения в дальнейшей истории Беларуси. Он ещё долгое время был центром своей земли и играл важную роль в экономической, политической и культурной жизни всего государства. Таким образом, не образование Великого княжества Литовского было предпосылкой формирования территории Беларуси и белорусской народности и культуры, а, наоборот, процесс формирования территории Беларуси и белорусской народности и культуры, проходивший на почве экономического и культурного сближения белорусских земель с учётом зарождения новой государственности в Новогрудке был предпосылкой создания Великого княжества Литовского.

Глава 3. Где находилась летописная Литва?

Вопрос о местонахождении летописной Литвы – один из важнейших в нашем исследовании. Действительно, где размещалась земля, именем которой позже стала называться одна из крупнейших стран в Европе? Эта проблема требует детального рассмотрения, так как с путаницы в этом вопросе и начинается путаница в понимании истории образования Великого княжества Литовского.

В разные исторические периоды под Литвой понимали не одну и ту же территорию, не один и тот же народ. Ещё в конце XIX в. А. Кочубинский спорил с теми учёными, которые «современное этнографическое положение Литвы возводили в положение доисторическое, от века нерушимое»⁷⁶. К сожалению, эта верная мысль была оставлена наукой без внимания, и по-прежнему в исследованиях и учебниках истории древняя Литва XI–XIII вв. (собственно Литва) отождествляется с другой исторической областью – Аукштайтией, занимавшей восточную часть современной Литвы⁷⁷.

Одной из причин отождествления летописной Литвы и Аукштайтии является то, что последняя в древнерусских летописях не упоминается. Поэтому был сделан вывод, что она выступает здесь под именем Литвы⁷⁸. Это стало общепринятым, что и сдерживает дальнейшее рассмотрение вопроса о том, где была летописная Литва XI–XIII вв. Исследователи, вместо того, чтобы внимательно прочесть и проанализировать соответствующие места из летописей с целью дать ответ на этот вопрос, бездоказательно повторяли: Литва – это Аукштайтия. Но

Литва XI–XIII вв. – это совсем не Аукштайтя, и находилась она не там, где её размещают историки.

Ответ на вопрос, где располагалась летописная Литва, дают главным образом некоторые записи летописцев. Сообщения эти, как увидим, подтверждаются топонимикой и другими материалами.

Ипатьевская летопись под 1159 г. сообщает о том, что минский князь Володарь Глебович «ходяше под Литвою в лесех»⁷⁹, а под 1162 г., что он же выступил против своего неприятеля «с Литвюю»⁸⁰. Отсюда видно, что Литва размещалась по соседству с Минским княжеством. К тому же самому выводу, основываясь на тех же самых летописных сведениях, пришёл и А. Насонов⁸¹.

Территорию, лежащую к западу от Минска, показывает как Литву, но уже со стороны Новогрудка (и это особенно ценно), запись Ипатьевской летописи от 1262 г. Сообщается, что князь Войшелк «учини собе манастирь на реце на Немне, межи Литвою и Новымгородком»⁸². Как известно, Войшелк основал монастырь на месте впадения реки Валовки в Нёман, там, где теперь размещается деревня Лавришево⁸³ (к северо-востоку от Новогрудка). Таким образом, согласно летописи, на северо-восток от Лавришево, за Нёманом, в направлении Минска находилась Литва, что полностью соответствует летописным сообщениям 1159 и 1162 гг. Если бы под Литвой здесь подразумевалась Аукштайтя, летописец никогда не сказал бы, что Войшелк основал монастырь между Литвой и Новогрудком, так как Аукштайтя находилась не к северо-востоку, а к северо-западу от Новогрудка.

Летописная Литва лежала не только на правом, но и на левом берегу Нёмана. В 1190 г. князь Рюрик Ростиславович решил помочь своим родичам – пинским князьям в борьбе с Литвой и собрался в поход, но не смог добраться до неё, так как потеплело и снег растаял, а в этой болотистой стране можно воевать разве что в сильные морозы⁸⁴. Отсюда можно сделать вывод, что Литва размещалась недалеко от Пинской земли с её болотами. О том же свидетельствует Ипатьевская летопись под 1246 г. Она сообщает про литву, которая, совершив набег на Пересопницу (на Волыни), возвращалась через Пинскую землю домой, где и была разбита галицко-волынскими князьями⁸⁵. В следующем году литва напала на Мелницу и Лековню* (также на Волыни) и также возвращалась через Пинскую землю, где опять была разбита⁸⁶. В 1262 г. отряды Литвы, отправленные Миндовгом на волынские города, отступали: один – в сторону Ясельды⁸⁷, а другой – на Невель⁸⁸, т.е. в сторону Пинской земли,

* В современной трактовке, Лековня – не топоним, а искажённое имя литовского князя, мужа сестры Миндовга, т.е. Литва на самом деле напала только на Мелницу. – прим. перев.

как и в предыдущих случаях. Поскольку каждый раз путь литвы домой пролегал через Пинскую землю, можно сделать вывод, что Литва находилась где-то по соседству с ней. Так оно и было, что непосредственно подтвердила Ипатьевская летопись. Под 1253 г. там говорится, что галицко-волынские князья, идя через Пинск к Новогрудку, встретили на своём пути литву: «И послаша сторожъ Литва на озеръ Зьятъ (в середине XVI в. при инвентаризации пинских нетронутых лесов оно уже называлось болотом ⁸⁹) и гнаша чересь болота до рѣкы Щарьъ» ⁹⁰. «Сторожа» обычно высылалась для охраны своих границ. Из этого следует, что Литва находилась где-то в верховьях левого притока Нёмана – Щары. Кстати, это название – балтского происхождения, и означает «узкая» ⁹¹.

Эта Литва прикрывала собой Новогрудскую землю с юго-востока, так как галицко-волынские войска, победив её, «наутрѣ же плѣниша всю землю Новгородскую» ⁹². О таком же местонахождении Литвы говорит и запись Ипатьевской летописи под 1255 г.: «Данилови же (Даниил Галицкий) пошедшу на воину на Литву, на Новѣгородокъ» ⁹³. Это значит, что галицкие войска двигались на Новогрудок тем же путём, что и в 1253 г., а именно через Литву. Эти факты, видимо, и имела ввиду Ф. Гуревич, когда отметила, что в летописных сведениях о Новогрудке в 50–70-е годы XIII в. «рассказывается о проникновении галицко-волынских князей из Литвы в этот город» ⁹⁴. У Т. Нарбута мы читаем, что в 1405 г. туровский епископ Антоний с согласия Витовта крестил людей в Литве в православную веру ⁹⁵. Было бы непонятным, почему именно туровский епископ крестил Литву, которая, если отождествлять её с Аукштайтией, размещалась далеко от Турова. Но в свете всего вышесказанного это становится понятным. Литва и Турово-Пинская земля были соседями, поэтому совсем неудивительно, что её крестил туровский епископ.

В своё время А. Кочубинский считал, что название «Литва», связанное с корнем «ли» в слове «лить», по-литовски «лиетус» (дождь), означает жителей влажной местности. Он утверждал также, что название «дреговичи» также литовского происхождения («дрегнос» по-литовски «мокрый») ⁹⁶. То, что летописная Литва в древности размещалась по соседству с болотистой Турово-Пинской землёй, населённой дреговичами, подтверждает выводы этого исследователя. О таком соседстве свидетельствуют и археологические исследования. В. Седов на их основании считает, что дреговичи на север от Выгоновского болота не жили даже в относительно позднее время ⁹⁷. Именно Выгоновское болото было естественной границей между Пинской землёй и летописной Литвой. Оно же было и причиной того, что колонизация дреговичами летописной Литвы серьёзно замедлилась и поэтому последняя могла так долго

существовать. В согласии с приведёнными фактами находится и сообщение М. Стрыйковского о литве у Нёмана, «которая жила в густых лесах и издавна прислуживала Новогрудскому княжеству»⁹⁸.

Характерно, что на территории, которая в летописях выступает под именем Литвы, до сегодняшнего дня сохранился топоним «Литва». Населённые пункты с таким названием мы встречаем в Слонимском (Гродненская обл.), Ляховичском (Брестская обл.), Узденском, Столбцовском, Молодечненском (Минская обл.) районах. Это древние названия, которые совпадают с летописным названием «Литва» и которые имеются только в указанном регионе. Их не следует смешивать с такими топонимами, как «Литвиново», «Литвиновичи», «Литвяки» и т.п., которые имеются и в других районах Беларуси, России, Украины. Появление их там связано с переселенцами из Литвы в другие местности. Один из таких топонимов – «Литвилишки» – найден нами на территории Аукштайтии (бывш. Муксниковская волость Виленского уезда). И рядом с ним – топоним «Минчуки»⁹⁹. Очевидно, они были основаны выходцами из летописной Литвы и соседней с ней Минщины.

Летописные данные и топонимика дают возможность ориентировочно определить территорию древней Литвы. На севере она граничила с Полоцким княжеством по Березине (притоку Нёмана). Позже её спутали с другой Березиной (притоком Днепра), которую и стали считать границей Литвы с Русью. Так, московские послы, предъявляя претензии на белорусские города, говорили послам Великого княжества Литовского: «... а рубеже был тем городом с Литовской землею по Березыню»¹⁰⁰. Местоположение литовско-полоцкой границы показывают и размещённые рядом топонимы «Литва» и «Полочане» (Молодечненский район). По той же Березине (нёманской) шла северо-западная граница Литвы с Нальшанами. На востоке Литва граничила с Минским княжеством, западный рубеж которого находился не дальше реки Усы (приток Нёмана)¹⁰¹. На востоке левобережья верхнего Нёмана Литва в глубокой древности соседствовала с другим балтским племенем – лотвой, о чём свидетельствует одноимённый гидроним в Копыльском районе и топонимы «Великая Лотва» и «Малая Лотва» в Ляховичском районе¹⁰². Не исключено, что именно отсюда и началось расселение литвы и лотвы: первой – на северо-запад, второй – на север и северо-восток¹⁰³. Дальше граница Литвы продолжалась по реке Щаре, большой южный изгиб которой и являлся естественной границей Литвы на юго-востоке, юге и юго-западе. Примерно по верховью р. Мышанки и по нижнему течению р. Валовки шла западная граница Литвы, которая в более древние времена отделяла её от ятвягов.

Для науки имеет принципиальное значение выяснение вопроса, где находилась «Литва Миндовга». В. Пашуто локализовал её

в Аукштайтии, на территории, включающей города Вильнюс, Тракай, Кярнаве, Укмерге*, Делтуву ¹⁰⁴. Но на этой самой карте он размещал (правда, со знаком вопроса) г. Воруту, где, как указывается в летописи под 1252 г., Миндовг защищался от своих противников ¹⁰⁵, на месте современного посёлка Городище (Барановичский район), что весьма далеко от Аукштайтии. В связи с этим возникает вопрос, почему Миндовг оборонялся от врагов не в «Литве Миндовга», а в Новогрудской земле, почему он бросил свою Литву и отправился искать защиты в чужую землю. В. Пашуто не ставил такого вопроса и, естественно, не дал на него ответа, а также не объяснил, почему он считал, что Ворута находилась на месте современного Городища.

Но всё дело в том, что «Литва Миндовга» вместе с Ворутой, как и Литва целиком, находилась не в Аукштайтии, а в Верхнем Понёманье. Уже летописное сообщение, что «Даниль же возведе на Кондрата Литву Миньдога Изяслава Новгородского» ¹⁰⁶, даёт понять, что «Литва Миндовга» и Новогрудок располагались рядом. Видимо, это последнее было причиной того, что Э. Гудавичюс, посвятивший «Литве Миндовга» специальное исследование и считающий, что она находилась на юге современной Литвы, даже не указал, где и в каком контексте она упоминается ¹⁰⁷. Близкое расположение «Литвы Миндовга» и Новогрудка даёт возможность определить (хотя бы приблизительно) местоположение Воруты. Хотя её отождествление с современным Городищем не может являться бесспорным, однако оно может быть близким к истине. Мы со своей стороны о местонахождении и названии Воруты высказываем следующее суждение. Между реками Сервечью и Валовкой есть небольшая река Рута и несколько одноимённых населённых пунктов. Возможно, на месте одного из них и находилась Ворута. В первоначальной редакции летописи, созданной, как считал В. Пашуто ¹⁰⁸, в Новогрудке, могло быть написано, что Миндовг «вниде во град во Руту». Повторение предлогов характерно для Новогрудской летописи: «на рѣцѣ на Немнѣ», «за Домонтомъ за Нальщаньскимъ», «На Романа на Брянского» ¹⁰⁹. Позднейший редактор, вставляя Новогрудскую летопись в Галицко-Волынскую, мог, не разобравшись, посчитать «во Руту» одним словом и, сделав другие редакторские правки, написать «вниде во град именем Ворута». Возможно, что Ворута располагалась на месте современных Кореличей, которые расположены на реке Руте и где есть городище ¹¹⁰.

Именно «Литву Миндовга» вместе с правобережной Литвой и Нальшанами воевал в 1258 г. татарский военачальник Бурундай ¹¹¹. Но Р. Батура считает, что под «землёй Литовской» в летописи следует понимать Новогрудское княжество, которое якобы уже принадлежало Литве ¹¹². Однако он не учёл того, что в это время Новогрудок не ото-

* Он же Вилькомир. – прим. перев.

ждествлялся с Литвой, о чём свидетельствует вышеупомянутое летописное сообщение об основании Войшелком монастыря между Литвой и Новогрудком. В 1262 г. Миндовг мстил волынскому князю Васильку за его участие в походе Бурундая нападением на волынские города. Показательно, что отряды Литвы и на этот раз отступали через Пинскую землю ¹¹³, что лишний раз свидетельствует о нахождении «Литвы Миндовга» между Пинской и Новогрудской землями. Из этого следует, что Бурундай мог воевать в единственной в то время Литве, которая находилась в Верхнем Понёманье, и откуда он перешёл в Нальшанскую землю. Хотя последняя пока что исследователями точно не локализована, однако бесспорно, что она, гранича с Литвой, находилась на северо-западе современной Беларуси. И если Бурундай, двигаясь с юго-востока, прошёл через Литву в Нальшаны, то ливонцы и рижане, двигаясь с северо-запада, через Нальшаны (durch Nalsen) ¹¹⁴ проникли в Литву. Это яркое совпадение в показаниях Ипатьевской летописи и Ливонской рифмованной хроники – ещё одно очевидное свидетельство того, где находилась древняя Литва. Соседством Новогрудка и «Литвы Миндовга» объясняется факт появления последнего в этом городе.

Было сделано возражение, что территорию, показанную нами как Литву, с IX в. занимали славяне и что тут располагался древнерусский город Заславль ¹¹⁵. Однако славяне в этой местности, как и на всей территории Беларуси, не были автохтонами, так как перед ними, как отмечает Ф. Гуревич, «тут жили балтские племена культуры штрихованной керамики» ¹¹⁶.* На это указывают и археологические памятники, такие, как Городище (Барановичский р-н), Кореличский тракт, Черешля (Новогрудский р-н), Бездонное, Кабаки, Низ (Слонимский р-н), Воложин

* Видимо, произошла путаница. На указанной по ссылке странице нет такой цитаты. В данном источнике обсуждение этих племён ведётся на с. 30 и 32, причём Гуревич как раз не согласна с тем, что они балтские, хотя и признаёт, что такова трактовка большинства исследователей.

Связь литвы с культурой штрихованной керамики прослеживается в рецензии В. Седова на данную книгу Гуревич (Советская археология. 1966. № 1. С. 305-311, цит. по <http://suzhdenia.ruspole.info/node/3649>), где есть пассаж, возможно, вдохновивший Ермоловича на поиски Литвы в Понёманье: «можно считать, что население второй половины I тысячелетия северных районов Верхнего Понеманья (литва русских летописей) сформировалось на основе местных племен культуры штрихованной керамики, в среду которых влилось пришлое население из северо-западных районов Литовской ССР. Иными словами, предками восточнолитовских племен были племена культуры штрихованной керамики, а не население северо-западной Литвы».

Концепция, согласно которой до славян в Беларуси жили балты, является ныне общепринятой, однако между культурой штрихованной керамики и славянами имеется временной промежуток, заполненный культурами Восточнолитовских курганов и Банцеровской. – прим. перев.

(Воложинский р-н), Дзержинск, Новосады, Старая Рудица (Дзержинский р-н), Городилово, Городок (Молодечненский р-н) и др. ¹¹⁷

Необходимо отметить, что первоначально в конце X в. подлежало христианизации только славянское население, а иноплеменное оставалось в язычестве ¹¹⁸. Вот почему островки балтского населения ещё долгое время существовали на территории Беларуси, как, например, в районе Обольцев (Толочинский р-н), Гайны (Логойский р-н) и др. ¹¹⁹ Население их было окрещено в католичество по условиям Кревской унии 1385 г. Между прочим, именно поэтому в Обольцах и Гайне были построены первые католические храмы на территории Беларуси. Не исключено, что это население, в т.ч. и древней Литвы, окружённое славянами, в значительной степени ассимилировалось и было не столько балтским, сколько языческим. Как увидим, Миндовг и Войшелк сначала были язычниками. Недаром же поздняя Хлебниковская летопись в отличие от «Повести временных лет» ¹²⁰ помещает Литву среди славянских племён ¹²¹.

В свете вышеприведённых фактов трудно согласиться с мнением, что самые ранние упоминания Литвы относятся к восточной, центральной и занёманской частям современной Литвы ¹²². Это отвергается первым же упоминанием Литвы под 1009 г. в Кведлинбургских анналах. Уже то, что в этом написанном на латыни источнике название «Литва» выступает в славянской форме и что там говорится о её соседстве с Русью (in confinio Rusciae et Lituae) ¹²³ свидетельствует о том, что речь здесь может идти о Литве в Верхнем Понёманье, так как только в этом случае она могла граничить с русью, от которой территория современной Литвы была отделена ятвягами ¹²⁴.

Это же подтверждают и следующие сообщения о Литве, связанные с вышеупомянутыми походами на неё Ярослава Мудрого в 1040 и 1044 гг. У Я. Длугоша находим дополнительные сведения, а именно, что киевский князь «разбил Литву на полях слонимских (напомним, что там есть топоним «Литва») и завладел ею до Нёмана» ¹²⁵, т.е. захватил её левобережную часть. Приведённые факты опровергают и предположение, что топонимы «Литва» в указанном нами регионе появились в результате продвижения сюда в более позднее время (когда именно, не указывается) литовских поселений ¹²⁶. Однако события 1009, 1040 и 1044 гг. показывают, что уже в XI в. эта местность называлась Литвой.

Некоторые исследователи, чтобы доказать локализацию древней Литвы на юге современной, из названия реки «Летавка» (правый приток Вилии в районе г. Кярнаве) выводят названия «Летува – Летава – Литва» ¹²⁷. Однако это весьма проблематично, так как в самых ранних письменных источниках, как и в топонимике, имеется название «Литва», а не «Летува» и «Летава». Во всяком случае, нельзя видеть

лишь указанный спорный гидроним и не замечать целое гнездо вышеупомянутых красноречивых топонимов «Литва» в Верхнем Понёманье. Нельзя признать удачной и попытку локализовать на территории современной Литвы владения литовских князей XIII в., упомянутых в письменных источниках ¹²⁸. Дело в том, что топонимы, напоминающие имена названных князей, есть не только на территории Литвы, но и в других регионах, в частности, в Беларуси, как, например, Товтвилы (Пружанский р-н), Ютки (Мядельский р-н), Давьяты (Браславский р-н), Рукли (Оршанский р-н) и др. Ссылка Р. Батуры на грамоту Миндовга от 1253 г. ¹²⁹ ничего не даёт для выяснения местонахождения древней Литвы в Аукштайтии, поскольку в этом документе перечислены земли, якобы принадлежащие Литве, но что понимается под ней самой, из документа не видно. То же самое можно сказать и в отношении договора Гедимина от 2 октября 1323 г. ¹³⁰ Уже то, что этот князь, называя себя королём Литвы, счёл нужным назвать Аукштайтию и Жемайтию в числе прочих земель, от имени которых он заключил договор, говорит о том, что в это время были общеизвестны именно такие их названия, и что титул короля Литвы, таким образом, произошёл не оттуда. Это же подтверждает и Пётр из Дусбурга, в хронике которого Аукштайтия показана в связи с событиями 1294–1300 гг. как «владение короля Литвы» (*terra regis Litowia*) ¹³¹, из чего следует, что Литва и Аукштайтия в то время – разные географические понятия. Как долго держалось ещё название «Аукштайтия» во времена Великого княжества Литовского, свидетельствует упоминание его Витовтом в письме от 11 марта 1420 г. ¹³² То, что в 1268 г. Нальшаны названы «провинцией Литвы» ¹³³ говорит не о распространении названия последней на эту землю, а лишь о принадлежности её Литве, что и соответствовало действительности, поскольку Войшелк завоевал её вместе с Делтувой в 1264 г. Если Вартберг показывает Кярнаве в Литве ¹³⁴, то это понятно, ведь он писал свою хронику после 1378 г. ¹³⁵, когда название «Литва» уже закрепилось в этом месте. Высказано ещё предположение, что с территории, якобы являвшейся центром возникновения феодального Литовского государства (т.е. с востока и центра современной Литвы), в начале XIV в. исчезло название «Литва», заменившись названием «Аукштайтия» ¹³⁶. В таком случае непонятно, почему это название исчезло оттуда и когда и почему оно снова там появилось и закрепилось.

Однако всё происходило иначе: сначала восточная часть современной Литвы называлась Аукштайтией, о чём могут свидетельствовать такие топонимы как Аукштайцы, Аукштыня, Гаукштаны, Аукштадворы, Аукштэли и т.п. в бывших Быстрицкой, Малятской, Мицкунской, Неменчинской, Решанской, Ширвинтской и Янишской волостях Виленского уезда, в Жосельской, Олькеникской и Сумелишской воло-

стях Трокского уезда, в Александровской волости Лидского уезда и в Лынгмянской волости Свенцянского уезда ¹³⁷. И только позже в связи с переносом столицы в Вильнюс в начале XIV в. название «Литва» из региона верхнего Немана постепенно стало распространяться на восток современной Литвы и закрепляться там. Но одновременно оно продолжало сохраняться и на прежнем месте в течение целых веков. В Могилёвской хронике под 1695 г. говорится, что литовское пограничье проходило недалеко от Минска и Слуцка ¹³⁸. Это название в Верхнем Понёманье имело настолько всеобщее и даже официальное признание, что декабрист А. Бестужев, живя в 1821 г. на территории современного Воложинского района, дал в Петербург следующий свой адрес: «Литва, д. Выгоничи, в 40 верстах от Минска» ¹³⁹. Где находилась собственно Литва в древности, хорошо знал и русский историк Н. Надеждин: «Собственно в «Литве» на нём (литовском языке) говорят уже очень немногие, а именно: одно поселение в уезде Вилейском, несколько сёл в уездах Новогрудском и Слонимском» ¹⁴⁰. Верно отмечалось, что во времена Адама Мицкевича Литвой называли не только современную Литву, но и определённую часть славянской территории. Однако последняя носила такое название не потому, что она когда-то входила в состав Великого княжества Литовского ¹⁴¹, а потому, что именно тут и была в далёкие времена собственно Литва.

По причине нахождения летописной Литвы в белорусском Понёманье население этого региона, ассимилировавшись в белорусов, по-прежнему называло себя литвинами. Письменные источники отмечают это уже с конца XIII – начала XIV в. Так, Пётр из Дусбурга, например, в своей хронике два раза (под 1296 и 1305 гг.) пишет о поединках немецких рыцарей с литовскими и оба раза отмечает, что последние были русскими ¹⁴², т.е. только по названию были литвинами, а по существу являлись славянами. В «Хронике литовской и жмойтской» под 1405 г. пишется про Андрея Литвина, который советовал Витовту не соглашаться с неприятельскими предложениями, вскричав при этом: «Не мири, Витолте, не мири, поневаж в самой речи мы з москвою еще не билися!» ¹⁴³. По этому поводу Витовт стал называть его Немиром*, от него же и род такой произошёл. Как видим, ни этот литвин, ни великий литовский князь не разговаривали по-литовски. В интермедии драмы Георгия Конисского «Воскресение мёртвых» (1746) под именем Литвина выведен белорусский крестьянин ¹⁴⁴. Адам Мицкевич (1798–1855), родившийся под Новогрудком, называл свою родину Литвой ¹⁴⁵. Даже белорусский писатель XIX в. В. Дунин-Марцинкевич (1807–1884), которо-

* В летописи не указано, кто именно придумал эту кличку; возможно, Н. Ермолович по каким-то другим данным счёл, что родовое имя должен был ввести в употребление именно великий князь. – прим. перев.

го тоже нельзя заподозрить в отсутствии белорусского национального самосознания, считал, что он вырос среди литвинов ¹⁴⁶. Точно так же уроженец Гродненщины К. Калиновский, революционная деятельность которого приходится на 60-е годы XIX в. и который всегда обращался с воззваниями к народу на белорусском языке, как правило, называл родную страну Литвой. Называет себя литвином и один из героев трилогии Я. Коласа «На росстанях» (в ней описаны события начала XX в.) Баранкевич, хотя он и белорус ¹⁴⁷. Мы не будем больше приводить аналогичных примеров, так как Иосиф Юхо* убедительно показал, что название «Литва» на протяжении многих веков относилось к Беларуси и было, в сущности, её историческим наименованием ¹⁴⁸. Только в начале XX в., когда завершился процесс образования белорусской нации, название «Беларусь» закрепилось и за регионом в верховьях Нёмана, вытеснив оттуда имя «Литва», которое с того времени стало относиться только к современной Литве.

Теперь кратко остановимся на некоторых других исторических областях и княжеских родах, упоминающихся в источниках вместе с Литвой. В договоре 1219 г. названы князья Булевичи и Рушкевичи. Относительно их местоположения были высказаны различные предположения. Так, И. Беляев показывал их обоих без разграничения на территории от Вилии до Нёмана и Свислочи и на восток до Березины (днепровской) ¹⁴⁹. К сожалению, он не указал ни источника, ни рассуждений, на основании которых он пришёл к этому выводу. В последнее время Э. С. Гудавичюс на основе топонимики, совпадающей с именами этих князей, считает, что Булевичи владели Шауляйской землёй, а Рушкевичи – землёй Упите ¹⁵⁰. Однако такие топонимы есть и в Беларуси (Булевское болото и др.) ¹⁵¹. Нами было высказано предположение, что Булевичи размещались на территории Столбцовского района, поэтому там возникли топонимы «Балевици» ¹⁵². Это, как видим, совпадает с утверждениями И. Беляева. Булевичи только единожды упоминаются в летописях, и поэтому возможно, что летописец не совсем точно передал их фамилию. На эту мысль наводит то, что в Негневичах (Новогрудский р-н) есть речушка с несколько необычным названием «Булович» ¹⁵³. Это недалеко от Столбцовского р-на и поэтому может быть определённого рода ориентиром при локализации Булевичей. Поэтому становится понятным, почему Миндовг так жестоко обошёлся с булевичскими князьями, всех их уничтожив ¹⁵⁴. Подчинение Булевичей, находившихся на его пути из Новогрудка в Литву, открыло ему дорогу для завоевания последней. Отметим ещё, что в Померании есть населённые пункты Bulitz, Bullen ¹⁵⁵. А это может указывать на западнославянское происхождение Булевичей, тем более что имена их князей, как, например, Вишимут, от-

* Он же Язэп Юхо. – прим. перев.

носятся к славянским ¹⁵⁶. Возможно, что Булевичи со всем своим родом и князьями бежали с западнославянских земель, спасаясь от онемечивания и христианизации, на территории, где было ещё немало языческого населения.

Что касается Рушкевичей, то эта фамилия явно славянская. На карте Померании мы находим Ruskewitz ¹⁵⁷, что также может указывать на место, откуда они пришли. Имена их князей – Кинтибут, Венибут, Бутовит, Виженик, Вишлий, Китений, Пликосова, Хвал, Сирвит – носят славянский характер ¹⁵⁸. По-прежнему у нас отсутствуют данные, которые бы дали возможность более-менее точно определить, где они княжили. Ограничиваться топонимическими данными, как это делает Э. Гудавичюс, при определении этого нельзя. Поскольку в XIII в. Рушкевичи совершали походы на Волынь, то мы склонны считать, что их владения были по соседству с Пинской землёй. Видимо, Булевичей и Рушкевичей с балтскими князьями связывало прежде всего язычество.

В своё время Э. Вольтер попытался определить местоположение Нальшанской земли и показал её на северо-западе современной Литвы ¹⁵⁹. Одним из критериев для такого вывода было наличие там таких топонимов, как «Налишки». Однако, отыскав такой же в Жемайтии, исследователь отметил, что он никакой связи с Нальшанами не имеет. А это значит, что и другие подобные топонимы нельзя было уверенно относить к Нальшанам. Причиной неудачи Э. Вольтера было и то, что он, отождествляя древнюю Литву с современной, не обратил внимания на свидетельства, противоречившие этому. Так, отметив, что в немецких источниках «Нальсен» и «Налиске» указаны в связи с пограничной областью, как бы спорной, не жемайтской и не литовской, он не заметил, что здесь очень явно показано положение Нальшан как территории, разделявшей Литву и Жемайтию. Приведённое Вольтером сообщение Рифмованной хроники, что путь ливонцев в Литву на Миндовга пролегал через Нальшаны, и что они находились на дороге из Двинска (Даугавпилса) в Литву, также подтверждает местонахождение Литвы и Нальшан. Но эти свидетельства остались незатронутыми внимательным анализом Э. Вольтера. А. Киркор отождествлял Нальшаны с Гольшанами ¹⁶⁰. Согласно В. Пашуто, Нальшанская земля занимала весь крайний северо-запад современной Беларуси и крайний юго-восток современной Литвы (от Немана ниже Гродно и до Западной Двины в районе Даугавпилса и от Крево до Вильнюса) ¹⁶¹. Это в целом правильно, но не хватает объяснения. Нальшаны непосредственно граничили с древней Литвой, как мы видели ранее, и это даёт основание локализовать их на северо-западе Беларуси. В некоторых местах Рифмованной хроники Нальшаны названы «Альсен». Это слово, возможно, немецкого (готского ?) происхождения, так как могло образоваться от слов Aal

(угорь) Seen (озёра), то есть «озёра, богатые угрями». Если это так, то данная область, видимо, занимала территорию северо-западной части Белорусского Поозерья, богатого угрями. Бесспорно, коренными жителями Нальшан были балты. Но, как известно, это район наиболее раннего проникновения славян-кривичей, на что указывает название «Крево» и ему подобные. И поэтому Нальшаны следует отнести к наиболее ославяненным к этому времени областям. Пожалуй, неправомерно причислять Нальшанскую землю к балтско-литовским, особенно если учесть, что её князья отсутствуют в тексте волинско-литовского договора 1219 г. Недаром и нальшанский князь Довмонт со всем своим родом бежал в Псков и был избран там князем. После XIII в. название «Нальшаны» исчезло, по крайней мере в письменных документах. На этой территории позже возникло Кревское княжество.

Летописное название «Делтува» («Деволтва») – возможно, сокращённая форма названия «Деволотва», что может говорить о жителях этой области как ответвлении балтского племени лотвы, населявшего в древние времена центральную и северо-западную часть Беларуси ¹⁶², тем более что в Хлебниковской летописи Делтува и названа Лотвой ¹⁶³. «Хроника Быховца», созданная в XVI в., указывает на существование Делтувского княжества ¹⁶⁴, находившегося в районе Вилькомира*. Туманные записи источников породили неразбериху в научной литературе даже одного и того же автора. Так, на карте, приложенной к книге В. Пашуто «Героическая борьба русского народа за независимость» (1956), Делтува показана в междуречье Невежи и Швентойи. А на карте «Земли и населённые пункты Древней Литвы» в книге того же автора «Образование Литовского государства» на месте Делтувы показана область Упите, а основная часть территории Делтувы отнесена на восток от реки Швентойи, туда, где обычно показывается Аукштайтия.

Проблема местонахождения Аукштайтии также запутанная. Даже нельзя с уверенностью сказать, на её ли территории размещался Вильнюс, так как некоторые исследователи считают, что эта историческая область находилась на запад от Вильнюса. Топонимика свидетельствует, что на территории современной Литвы аукштайты занимали пространство в междуречье Мяркис и Стревы и междуречье Жеймяны и Швентойи. Но вряд ли жили аукштайты на правом берегу Швентойи аж до р. Невежис, как это показывает В. Пашуто. В одной из немецких хроник говорится, что в 1332 г. ливонцы совершили набег на Жемайтию и дошли до Швентойи. В следующем году они снова ходили на Жемайтию и дошли до Вилькенберга ¹⁶⁵. Из этого видно, что западная граница Аукштайтии не шла дальше Швентойи.

* Он же Укмерге. – прим. перев.

Говоря о местонахождении Жемайтии, территория которой доходила до Балтийского моря, мы хотим обратить внимание на наличие значительного количества таких топонимов, как «Жемойтишки», «Жемойтели» и подобных в бывших Бутриманской и Езненской волостях Трокского, в Подберезской, Рукойнской, Янишской волостях Виленского, в Александровской, Бениконской, Гончарской и Эйшишской волостях Лидского, в Дуботовской волости Свенцянского, уезда, в Зебреской и Субботникской волости Ошмянского уезда и др. ¹⁶⁶ Эти топонимы в значительной мере сконцентрированы и локализованы, тесно охватывая восточные и юго-восточные границы современной Литвы. Е. Охманьский заметил несоответствие названия «Жемайтия» (низкая земля) тому географическому положению, которое занимает данная область, размещённая на возвышенности. И он высказывает предположение, что это название появилось тогда, когда жемайты жили в низинах вдоль р. Невежис. Но оттуда их якобы вытеснили аукштайты, пришедшие с Ошмянской возвышенности (отсюда и Аукштайтия – высокая земля). В результате этого жемайты и заселили своё теперешнее местобитание, вытеснив оттуда куршей ¹⁶⁷. Наличие в одной и той же местности жемайтских и аукштайтских топонимов может в некоторой степени подтверждать эту мысль. Одновременно здесь можно высказать суждение о возможности того, что в древнерусских летописях Аукштайтия выступает под старым названием своей территории. И это наиболее вероятно, так как даже в конце XIX в. и начале XX в. жители восточной Литвы нередко назывались жемайтами, а литовский язык – жемайтским ¹⁶⁸.

Из рассмотренного видно, что балтско-литовские земли некомпактно тянулись с северо-запада на юго-восток от Балтийского моря до верховьев Щары. В исследованиях утверждается наличие в литовских землях относительно единого государства уже в начале XIII в. ¹⁶⁹, свидетельством чего якобы является договор 1219 г.* Однако с этим нелегко согласиться. В этом договоре упоминается свыше 20 старших князей, что ярко свидетельствует об исключительном разъединении этих земель. Выражение «старшие князья» относится в этом договоре не только к князьям Литвы, как обычно утверждают исследователи, но и к князьям всех перечисленных здесь земель. То, что князья Литвы названы первыми, ещё раз указывает на её размещение в Верхнем Понёманье. Она была ближе всего к Волыни, поэтому и названа первой. Кроме того, не обращали внимания на отсутствие в этом договоре нальшанских князей. А это также не даёт права говорить о наличии хотя бы относительно единого государства в балтско-литовских землях. Но самое главное, это так называемое единство было результатом не внутреннего раз-

* Здесь стоит привести ссылку на летописный первоисточник с информацией о договоре – ПСРЛ. Т. 2. Стб. 735–736. – прим. перев.

вития, а внешнего фактора: балтско-литовские князья были созданы волынскими князьями на войну с поляками и тем самым показали себя в качестве наёмников.

В завершение разговора о балтско-литовских землях снова вернёмся к древней Литве. Наиболее важно здесь подчеркнуть, что она врезалась клином между Полоцкой, Турово-Пинской и Новогрудской землями и вместе с ними являлась одной из исторических областей Беларуси. Разумеется, при объединении этих земель она не могла не войти в состав территории Беларуси в качестве одной из составных частей. Не увидев такого геополитического положения древней Литвы, нельзя понять, почему она в середине XIII в. оказалась в фокусе политического соперничества соседних с ней земель, стремившихся завоевать её, что было бы первым шагом в расширении их власти на другие земли. В этом соперничестве победил Новогрудок, ставший центром образования нового государства – Великого княжества Литовского. Только тогда в связи с объединением белорусских земель, как увидим далее, произошло объединение в этом государстве и балтско-литовских земель. Вот почему нет никаких оснований говорить о существовании Литовского государства прежде этого времени.

Глава 4. Литовские набеги и славянская колонизация.

Литовские набеги историческая наука рассматривает как фактор, который мог подготовить завоевание литовскими феодалами белорусских земель. В подтверждение исследователи обычно ссылаются на «Слово о полку Игореве». Так сделал и В. Пашуто. Отметив, что эта поэма сообщает о потере полоцкими князьями прежних позиций в Литве и прилегающих к Двине землях, он приводит в качестве доказательства следующие строки: «И Двина болотом течет оным грозным полочаном под кликом поганых. Един же Изяслав, сын Васильков позвони своими острыми мечи о шеломы литовьския, притрепа славу деду своему Всеславу, а сам под чрълеными щиты на кроваве траве притрепан литовскими мечи... Не бысть ту брата Брячаслава, ни другаго – Всеволода*...»¹⁷⁰ Как известно, «Слово» – не летопись, а художественное произведение. Поэтому перед исследователями стоит задача выяснить, какие именно события описаны в этом месте поэмы. Скорее всего, автор «Слова», говоря о появлении «поганых» на Двине, имел в виду события 1167 г., когда минский князь Володарь Глебович двинулся со своим войском, в составе которого, как и в 1162 г., могла быть литва, на Полоцк, захватил его и пошёл вверх по Двине на Витебск, где потерпел неуда-

* У Н. Ермоловича – Всеслава, без объяснений, почему. Вероятно, ошибка, возникшая при переписывании текста вручную. – прим. перев.

чу. ¹⁷¹ Использование полоцкими князьями литвы и ливов как военной силы в походе на Друцк имело место в 1180 г., ¹⁷² незадолго до написания «Слова». Подобные факты и дали автору «Слова» возможность говорить про появление «поганых» на Двине. Но эти факты свидетельствуют, что не сама Литва пришла в Полоцкую землю, а приводилась полоцкими князьями для борьбы друг с другом. Такие действия были характерны не только для правителей Полоцка. Киевские князья в междоусобной борьбе часто использовали половцев. За это автор «Слова» осуждает и полоцких, и киевских князей: «Ярослави (то есть киевские князья)* и вси внуци Всеслави (то есть полоцкие князья)! ... Вы бо своими крамолами начасте наводите поганья на землю Рускую, на жизнь Всеславию...» Вот этих слов не приводят исследователи, а они как раз и показывают настоящую причину появления «поганых» на Двине.

Что касается князя Изяслава Васильковича, погибшего в войне с литовцами, то надо сначала отметить, что это единственный герой «Слова», которого нет в летописях, поэтому трудно сказать, где он княжил. Выражение «трубы трубят городенские» само по себе не даёт оснований говорить, что он был князем в Городене (сейчас Гродно), так как в то время городов с таким именем было несколько. Но, как показывает «Слово», полоцкий и витебский князья не поддержали своего брата Изяслава в борьбе с литовцами. Этим подтверждается, что полоцкие князья не были во враждебных отношениях с Литвой даже тогда, когда с ней воевал их брат. Таким образом, «Слово» даёт правдивую картину отношений между Полоцком и Литвой. И поэтому неправы те исследователи, которые вырывают из текста «Слова» отдельные места, чтобы подтвердить искусственную концепцию подчинения белорусских земель Литве.

И всё же в первые три десятилетия XIII века в источниках зафиксировано три литовско-полоцких конфликта, которым в исследованиях уделяется повышенное внимание. Поэтому они требуют внимательного рассмотрения.

О первом из них рассказывает «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского под 1201 годом. Сказано, что летоны**, прийдя в Ригу, заключили мир с христианами, а затем «следующей зимой, спустившись вниз по Двине, с большим войском направились в Семигаллию*** (Semigalliam). Услышав однако ещё до вступления туда, что король полоцкий пришел с войском в Литву (Leththoniam), они бросили семи-

* Ермолович использует предложенное Лихачёвым чтение данной фразы «Слова» как относящейся ко всем Ярославичам, а не к одному князю; это одна из самых распространённых и убедительных версий. – прим. перев.

** То есть литовцы. – прим. перев.

*** То есть Земгалию. – прим. перев.

галлов и поспешно пошли назад»¹⁷³. Во-первых, возникает сомнение, были ли это литовцы с территории современной Литвы, как это принято считать, так как им в этом случае не было смысла плыть по Двине в Земгалию, ведь последняя находилась на левобережье Двины и на юг от неё была Литва в современном понимании этого слова и поэтому до земгалов проще и ближе было добраться по суше. Если же это были действительно литовцы, то они жили не на территории современной Литвы, а где-то дальше на восток, рядом с Полоцкой землёй, и тогда им было удобнее добираться до земгалов по Двине. Непонятно, почему В. Данилевич утверждал, что результаты этого похода полоцкого князя в Литву неизвестны и что от таких единичных попыток утихомирить Литву Полоцку было мало пользы.¹⁷⁴ Как мы уже знаем из вышеприведённой выдержки, летоны, узнав, что полоцкий князь пошёл в их землю, отказались от похода в Земгалию, так как именно за намерение напасть на своего данника – Земгалию и мстил Полоцк походом на Летонию. Таким образом, тут явно обнаружилась сила Полоцка и бессилие Летонии. Обратим внимание и на то, что «Хроника Ливонии» свидетельствует о принадлежности Земгалии Полоцку.

Согласно Я. Длугошу, в 1216 году литовские дружины ворвались в окрестности Полоцка и стали грабить их. Они якобы были разгромлены и изгнаны смоленским князем Мстиславом Давидовичем.¹⁷⁵ Такую возможность нельзя отрицать. Какими бы дружелюбными ни были отношения между соседними землями, они всё же не мешали поживиться при случае за счёт соседа. А такой повод в 1216 году был. Полоцкий князь в этом году собрал войско, чтобы идти на Ригу, но внезапно умер. Поэтому литовские дружины, бывшие в составе полоцкого войска, могли использовать замешательство в городе и начать грабить при отходе его окрестности. Можно также допустить, что из-за временного отсутствия князя в Полоцке полочане обратились за помощью к смоленскому князю, который мог участвовать в походе на Ригу и поэтому присутствовать в Полоцке. И тем не менее этого не было. Во-первых, наличие литвы в войске Владимира говорит о тесном союзе Полоцка с ней в это время. Во-вторых, смоленским князем в это время был не Мстислав Давидович, а Владимир Рюрикович (княжил в 1214–1219 гг.)¹⁷⁶ В-третьих, этот последний тоже не мог бы прийти на помощь Полоцку, так как в это время он участвовал вместе с другими князьями в походе на Суздаль.¹⁷⁷ Всё это опровергает сообщение о нападении на Полоцк и разгром литовцев Мстиславом Давидовичем в 1216 году.

Отмечается ещё одно свидетельство, когда в 1225 году литва напала на Полоцкую, Новгородскую и Смоленскую земли. Действительно, в Лаврентьевской летописи читаем: «Тою же зимы воеваша Литва Новгородскую волость, и поимаша множество много хрестыанъ и много

зла створиша, воюя около Новагорода, и около Торопча и Смолинська, и до Полтеска, бѣ бо рать велика ака же не была от начала миру» ¹⁷⁸. Но в той же летописи по академическому списку говорится о нашествии литвы в район Торопца и Торжка, а Полоцк не называется ¹⁷⁹. И эта запись более верна, так как она совпадает с соответствующим местом Новгородской I летописи ¹⁸⁰. А кому, как не новгородцам, было лучше знать, на кого в этом случае нападала Литва.

Как видим, все три свидетельства, которыми оперируют исследователи в подтверждение нападений Литвы на Полоцк, сомнительны. И действительно, как в XII, так и в XIII веке Литва являлась оружием в руках Полоцка для борьбы с соседними землями. Более того, чтобы компенсировать потери в Нижнем Подвинье, которым овладели крестоносцы, Полоцк всё больше укреплял связи с Литвой и своё влияние на неё. Об этом свидетельствует всё большее число набегов литвы на Псковскую, Новгородскую и Смоленскую земли. Вот их перечень по Псковской, Новгородской и Суздальской летописям: 1200 год – на Ловать до Налютя, 1210 – на Ходыничи, 1213 – на Псков, 1217 – на Шелонь, 1223 – на Торопец, 1224 – на Русу, 1225 – на Торжок и Торопец, 1229 – на Любну, Мареву и Селигер, 1232 – на Русу, 1238 – на Псков, 1245 – на Торжок и Бежицу, 1247 – на Псков, 1248 – на Зубцов. Кстати, отметим, что А. Соболевский на основании этих сведений сделал вывод, что Литва в то время была не возле Вильнюса и Тракая, а в районе Усвят, между Витебской и Смоленской землями ¹⁸¹. Но он не учёл, что Усвяты, дальше которых за литвой не гнались новгородцы в 1223, 1225 и 1245 годах, были пограничным полоцким владением, где литва и находила себе надёжное убежище. Кроме того, он не обратил внимания, что указанные им слова литовского происхождения: «твань», «нетра» и другие встречаются не только в указанном им районе Смоленщины, но и по всей территории Беларуси и вообще везде, где в прошлом жили племена балтов.

Но вернёмся к рассмотрению так называемых литовских набегов. В первых, отметим, что не всегда летописцы отличали литву от соседних народов. Так, в Псковской летописи под 1213 годом читаем: «Изгнаша от себя псковичи князя литовьского Владимира Торопецкого» ¹⁸². Таким образом, даже князь из Торопца, сын известного Мстислава Удалого, называется литовским. К сожалению, исследователи не обращают внимания на такие детали. Если тогда в разряд литовских зачислялся князь из Торопца, то это в ещё большей степени могло относиться к полоцким князьям. В свое время историк И. Беляев отметил, что в летописях литва и полочане отождествлялись и под именем литовских набегов подразумевались полоцкие ¹⁸³. И хотя литва и полочане не всегда отождествлялись, о чем свидетельствуют записи в Новгородской I лето-

писи под 1191, 1198, 1258 и 1262 гг., однако в выводе И. Беляева есть большая доля истины. Все эти набеги были прежде всего оружием полоцкой политики независимо от того, кто в них принимал наибольшее участие – полочане или литва. Как указано в летописях, в подавляющем большинстве случаев литва составляла основной контингент полоцкого войска и поэтому эти набеги в летописях и называются набегами литвы. Нельзя согласиться с мнением, будто они приводили к обогащению князей Литвы, чьими целями были грабёж, захват пленных, скота, что являлось одним из источников накопления богатств класса феодалов, который в то время там формировался ¹⁸⁴. Бесспорно, участие в этих набегах не могло быть бескорыстным. Однако в целом они не только не обогащали и не усиливали Литву, но еще более её обессиливали, ведь, как правило, подавляющее большинство из них заканчивалось поражением, потерей пленных и награбленного, большим количеством убитых. К сожалению, обо всём этом умалчивается в исследованиях в угоду искусственной схеме: Литва усиливалась, Полоцк слабел. Такой печальный исход имели набеги 1200, 1210, 1225, 1229, 1234, 1245, 1248, 1253 гг., и только некоторые, как в 1217 и 1223 гг., заканчивались более-менее удачно. Некоторые поражения носили явно катастрофический характер. Так, в 1225 г. погибло 2 тыс. литвы из общего числа 7 тыс., а в 1245 г. Александр Невский под Торопцом уничтожил свыше 8 князей, а под Жиждом и всех оставшихся. А сколько в таком случае погибло рядовых воинов? При таком состоянии дел будет неправильно говорить, что эти набеги приносили пользу Литве. Нет, это могло быть только в интересах полоцких феодалов. В. Пашуто считал, что о подчинённом положении полочан свидетельствует Новгородская I летопись, которая под 1258 г. сообщает про нападение уже не «полочан с литвой», как ранее, а «литвы с полочаны» на Смоленск ¹⁸⁵. А немного ранее этот исследователь упрекает ту же самую летопись за то, что в ней в сообщении о походе 1240 г. на Венден на первое место ставится литва, тогда как главную роль там играли немцы ¹⁸⁶. Этим самым он оспорил и свой собственный довод об отношениях Полоцка и Литвы. Не было оснований у В. Пашуто также утверждать, что этот поход на Смоленск был делом рук Товтивила ¹⁸⁷, который в это время княжил в Полоцке. Понятно, что и задолго до Товтивила полочане ходили на Смоленск, а теперь заставили идти и его. О том, что набеги литвы на Новгород зависели от полоцкой политики, свидетельствует и такой факт. Как только Полоцк и Новгород в 1262 г. заключили мир, литва не только прекратила набеги на новгородские земли, но и вместе с полочанами стала помогать новгородцам, как, например, при походе на Юрьев против немцев в 1262 г. ¹⁸⁸

Литву использовали для ослабления Галицко-Волынской земли и турово-пинские князья. В конце 20-х годов XIII в. отношения меж-

ду Волынью и Пинском настолько обострились, что возник конфликт. Пиняне в 1227 г. захватили г. Черторийск. В следующем году Даниил Галицкий вернул его. После этого пинский князь Ростислав организовал против него коалицию князей, в которой среди других участвовали туровцы и жители Новогрудка. Но она потерпела поражение, и Пинск подпал под влияние Волыни, князья которой принуждали пинян воевать с соседней Литвой. Со своей стороны пинские князья неоднократно пропускали литву через свои земли для нападений на Галицко-Волынское княжество. О связи пинских князей с литвой свидетельствует Ипатьевская летопись под 1247 г., когда описывает набег литвы на Волынь при содействии пинского князя Михаила ¹⁸⁹.

Как видим, в науке непомерно преувеличено значение так называемых литовских набегов. В исследованиях скрупулёзно подсчитывается их количество, более того – без учёта их результатов. И на основе этого делаются выводы о литовском наступлении на славянских соседей. И в то же время умалчивается о славянской, прежде всего кривичской и дреговичской, колонизации балтско-литовских земель. Что касается литовских набегов на славянские земли, то если они и происходили, то всё равно не могли остановить широкую волну кривичской и дреговичской колонизации в балтско-литовских землях.

Как показывают археологические, гидронимические, топонимические, лингвистические материалы, балтские племена (латгалы, лотва, литва, ятвяги и др.) заселяли почти всю территорию Беларуси ¹⁹⁰ до прихода сюда славян на рубеже VI-VII вв. н.э. ¹⁹¹ Славянское расселение шло в различных направлениях. Если дреговичи двигались с юга на север (от Припяти к Двине), то кривичи – через Бугско-Нёманское междуречье с запада на восток и юго-восток ¹⁹². С запада, как свидетельствует летопись, пришли и радимичи. Следует отметить, что среди этого славянского большинства Беларуси осели и представители других племён, пути расселения которых проходили через Беларусь, – северян, словен, дулебов. Всё это способствовало более интенсивной славянской колонизации и ассимиляции автохтонного населения. Этот процесс, однажды начавшись, уже не мог остановиться, и протекал на протяжении веков. Хотя не исключено, что вначале (и это закономерно) славянская колонизация встречалась с враждебностью коренного населения, о чем могут свидетельствовать разрушенные и сгоревшие балтские городища. Однако впоследствии сосуществование славян и балтов протекало мирно. Но славянская колонизация (и ассимиляция) не везде происходила равномерно. Как уже говорилось выше, отдельные островки балтского населения на территории Беларуси сохранялись даже до конца XIV века. Это обстоятельство дало в последнее время Е. Охманьскому в работе о литовской этнической границе на вос-

токе предложить новую концепцию образования Великого княжества Литовского. Согласно этой концепции, центральная Литва (восток современной), опираясь на эти островки балтского населения, завоевала западнорусские земли. Необоснованность этого утверждения очевидна. Во-первых, непонятно, почему центральная Литва не смогла этого сделать значительно ранее, когда славянское население было островным в море балтского. Во-вторых, отрезанные большими расстояниями и сотнями лет друг от друга, вряд ли сохранили эти остатки балтов ощущение единства, особенно если учесть, что в восточном, северном и центральном регионах Беларуси жили балтско-латышские племена, к которым балтско-литовские племена не питали особой симпатии. В третьих, непонятно, почему эти литовские, как считал Е. Охманьский, племена создали славянское государство, в официальной жизни которого за пять веков существования не прозвучало ни одного литовского слова. И последнее (и может, самое главное), источники ни разу не упомянули факта какой-либо поддержки центральной Литвы со стороны каких-либо балтских островов, как и вообще какого-либо завоевания ею белорусских земель.

Крупнейшим из балтских островов в Беларуси, видимо, и была Древняя Литва. И хотя она была окружена болотами и пущами, однако и её не обошла стороной славянская колонизация (она тут началась позже и протекала медленней). Когда этот процесс начался, точно установить невозможно, можно только высказать некоторые предположения. Мы выяснили, что южная часть летописной Литвы была завоёвана Ярославом Мудрым в 1040–1044 гг., в результате чего и был основан Новогрудок. И с этого времени, вероятнее всего, и началась славянская колонизация левобережной Литвы. Однако в правобережной, надо полагать, она началась раньше.

Густынская летопись под 1128 г. отмечает, что киевский князь Мстислав послал свои войска в Литву к Изяславлю. Таким образом, этот город, расположенный в 18 км к северо-западу от Минска, был зафиксирован летописцем на литовской территории. Из летописи также известно, что Изяславль (Заславль) возник в конце X в.¹⁹³, что подтверждается и археологией¹⁹⁴. Значит, к этому времени кривичи и дреговичи, завершив колонизацию других балтских племён, названия которых остались неизвестными, подступили к очередному балтскому племени – литве, восточная граница расселения которой, как мы выяснили, проходила к западу от Минска. Видимо, Изяславль и был одним из первых центров кривичско-дреговичской колонизации Литвы. Можно считать, что с конца X в. начинается совместное существование белорусских племён с литвой.

Кривичи были самыми близкими соседями балтско-литовских племён, с которыми они чаще всего встречались, что нашло своё отражение

в наименовании латышами всего славянского именем своих извечных соседей кривичей – крэвами (крээвс). Крээвс – русский, Крээвссэме – русская земля. Всё это свидетельствует о многовековых связях между балтами и кривичами ¹⁹⁵.

Первоначальная древнерусская летопись называет литву в числе народов, плативших дань Руси. И, как показано Л. Алексеевым, дань Литвы шла Полоцкому княжеству, являясь одной из основ его экономического могущества ¹⁹⁶. Но это относится только к правобережной Литве, так как левобережная была под властью Киева.

Литва постепенно стала одним из источников военной мощи полоцких князей. Историк И. Беляев считал, что Всеславу Брячиславовичу удалось в 1071 г. вернуть себе полоцкий престол с помощью Литвы. Но особенно тесные связи с ней имело Минское княжество, непосредственно соседствовавшее с ней. Глеб Минский отбил войска коалиции южнорусских князей в 1104 г. вероятно также при помощи литвы. Союз с ней и был основой обширных политических планов Глеба. Можно с уверенностью сказать, что, как минимум, с начала XII века летописная Литва являлась постоянным военным союзником полоцких князей. Вот почему киевские князья после победоносного похода на Полотчину в 1128 г. и высылки её князей в Византию в 1129 г. пошли походом на Литву (1130, 1132 гг.). А Густынская летопись поход киевских князей в 1128 г. называет походом на Литву к Изяславлю, тем самым раскрывая скобки этой «Литвы». Возможно, что и походы 1130 и 1132 гг., которые в русских летописях показаны как походы на Литву, также были походами на Изяславль, который занял место Минска, временно присоединённого к киевским владениям. Изяславль, видимо, и обороняло войско, набранное из литвы, жившей вокруг этого города.

Ипатьевская летопись, сообщая о событиях 50–60 годов XII века, показывает, откуда минские князья черпали дополнительные силы для борьбы с полоцкими князьями. Один из самых непокорных – Володарь Глебович – в 1159 г., отказавшись мириться с полоцким князем Рогволодом, «ходяше под литвою в лесах», т.е. собирал там силы для борьбы со своим противником, а в 1162 г. с литвой нанёс тяжёлое поражение полочанам.

Но если до 70-х годов XII века литва использовалась главным образом минскими князьями в борьбе с Полоцком, то начиная с 80-х годов она служит интересам всей Полоцкой земли. Характерно, что в 1180 г. привели литву к Друцку не соседние с ней минский и изяславский князья, а полочане. Это свидетельствует об укреплении связей с Литвой всей Полоцкой земли, а не отдельных её уделов, как это было ранее. Новгород хорошо понимал, что военная сила Полоцка сосредоточена в Литве, и поэтому стремился поссорить их между собой. Такая попытка

была сделана в 1191 г. Тогда новгородцы решили навязать полочанам поход на Литву. Правда, В. Пашуто сообщает, что на самом деле это полочане хотели в лице новгородцев найти себе союзников против литвы и даже эстов. Ошибочность этого мнени очевидна: полочанам никогда не было нужды воевать с литвой и тем более эстами, которые были соседями новгородцев, а не полочан. Последние понимали, что идти на Литву – это рубить сук, на котором сидишь. И поэтому не только отказались от похода на неё, но и в 1198 г., как сообщает Новгородская I летопись, напали вместе с ней на Великие Луки.

В связи со славянской колонизацией балтско-литовских земель возникает вопрос о появлении общих полоцко-литовских князей. Непосредственное соседство, продолжительное совместное историческое сосуществование белорусских и балтско-литовских племён не могли не привести к возникновению семейных связей полоцких князей с литовскими кунигасами. И. Беляев на основании летописного сообщения о том, что при рождении знаменитого полоцкого князя Всеслава Чародея присутствовали «волхвы», сделал вывод, что мать этого князя была из литвы, и сам Всеслав был наполовину литвином. Но дело не только в брачных узах. Полоцкие князья, которые в отличие от князей других древнерусских земель могли княжить только в Полоцкой земле, по тем или иным причинам потеряв свой престол, бежали в балтско-литовские земли. Так, в 1129 г. не все полоцкие князья были захвачены в плен и отправлены в Византию. Некоторые из них избежали этой судьбы и, надо полагать, нашли себе убежище в Литве. Видимо, одним из них был Василько Святославович, который в 1132 г. сразу после изгнания из Полоцка киевского ставленника Святополка стал тут князем. За такое короткое время он, конечно, не мог приехать из Византии. Полоцко-литовским князем был и Гердень – сын полоцкого князя Давида Ростиславича, чего не отрицает современная наука ¹⁹⁷. Таким образом, прежде чем стать «литовским» князем в Полоцке около 1265 г., Гердень был полоцким князем в Нальшанах. Белорусские историки XIX в. М. Без-Корнилович ¹⁹⁸ и А. Киркор ¹⁹⁹ доказывали, что Гердень был отцом великих князей литовских Витеня и Гедимина.

С происхождением последних связан вопрос возникновения Виленского удела Полоцкого княжества, что произошло, видимо, в начале XII в. Воскресенская летопись сообщает, что после 1129 г. «Вилняне взяша себѣ изъ Царяграда князя Полотцкого Ростислава Рогволодовича дѣтей: Давила князя, да брата его Мовколда князя» ²⁰⁰. Давил (возможно, Давид) и был первым виленским князем, от него в дальнейшем, как свидетельствует эта летопись, происходят Гердень (Ердень), Витень и Гедимин. Это тем более вероятно, что, как говорилось выше, кривичи расселялись с запада по Нёману и Вильнюс мог быть одним из первых

крупных поселений кривичей на новом месте. Не зря же немецкий хронист Пётр из Дусбурга в начале XIV в. упоминал Кривитию ²⁰¹, которая, по мнению П. Шафарика, находилась к северу от Новогрудка, где в большом количестве есть топонимы «Крево», «Кривичи» и подобные ²⁰². Не исключено, что эти кривичи были язычниками. Действительно, в «Житии трёх великих мучеников» говорится про трёх знатных литвинов, которые в первой половине XIV века поплатились жизнью за принятие православия. Но прозывались они Круглец, Кумец и Нежило – имена чисто славянские.

Мы считаем, что совсем неправомерно ставить Воскресенскую летопись в один ряд с историко-публицистическими произведениями XVI в., в которых тенденциозно искажалась история Великого княжества Литовского ²⁰³. Конечно, как и каждый источник, запись о первых виленских князьях требует критического подхода, однако, по нашему мнению, она вполне правдива. В. Пашуто посчитал заслуживающим доверия свидетельство этой летописи про сына Герденя тверского епископа Андрея и тем самым признал её соответствующей действительности ²⁰⁴. Зачем же тогда отрицать прочие сведения этой летописи, которые не противоречат данным современной исторической науки? Разве не мог возникнуть Виленский удел Полоцкого княжества и разве не могли вильняне взять себе полоцких князей, если известно, что Вильнюс основан кривичами, существовал долгое время как Кривой Город, или Кривичград, и уже в XI веке, возможно, был одной из столиц кривичей ²⁰⁵? Почему великие литовские князья Витень и Гедимин не могли быть потомками виленских князей? Почему-то не обращают внимание на то, что братья Гедимины носили славянские имена – Витень и Воин. Также нет причин считать имя Гедимины литовским. В своё время В. Юргевич назвал курьёзом поиски происхождения имён литовских князей Ягайлы, Кейстута, Гедимины, Свидригайлы, Скиргайлы, Войшелка, Витовта и других в литовском языке. Он с помощью филологического анализа показал славянское происхождение имён литовских князей ²⁰⁶. Нельзя, как это наблюдается в работах некоторых исследователей, объявлять первичными имена Миндаугас, Войшвилкас, Гедиминас и т.п. В источниках есть много вариантов написания имён литовских князей, но только не такие. Они появились в трудах историков только в XX в.

Полоцкие князья, очутившись в балтско-литовской земле, в языческом окружении, из политических соображений прикидывались язычниками, что в своё время правильно отметил А. Киркор ²⁰⁷. В связи с этим заслуживает внимания то, что в перечне балтско-литовских князей в договоре 1219 г. самый первый и старейший из них носит славянское имя Живинбуд. Точно так же и литовские князья (Миндовг, Войшелк, Довмонт, Товтивил и др.), оказавшись на княжении у славянских сосе-

дей, принимали православие. Видимо, ни полоцкие, ни литовские князья не отличались религиозным фанатизмом и поэтому неоднократно меняли религию ради политических выгод (Миндовг, Товтивил). То, что Воин стал полоцким князем, также свидетельствует о его принадлежности к роду полоцких князей (полоцкое вече не принимало князей чужих династий). А это в свою очередь является подтверждением того, что его братья Витень и Гедимин также являются потомками полоцких князей. Таким образом, можно с большой долей уверенности сказать, что с конца XIII в. в Великом княжестве Литовском правила полоцкая княжеская династия.

Говоря о взаимоотношениях христианства и язычества, нужно учитывать ещё одно обстоятельство. Распространение христианства в белорусских землях было далеко не мирным процессом. Оно сопровождалось усилением феодальной эксплуатации. А это не могло не вызвать сопротивление широких масс крестьянства, что порой принимало форму борьбы против христианства. Надо полагать, что немало было крестьян, которые, спасаясь от феодального угнетения и связанного с ним христианства, бежали в балтско-литовские земли и там долгое время оставались язычниками. Поэтому распространение христианства в белорусской земле в некоторой мере способствовало славянской колонизации в балтско-литовских землях. Долгое время оставались язычниками и ассимилированные балты. Всё это даёт основание считать, что принадлежность к язычеству не была характеристикой исключительно балтов не только в XI-XII, но и в XIII-XIV вв. и даже в начале XV в. Этим, видимо, и объясняется то, что в белорусской среде даже до XX в. в значительно большей степени, чем у других славянских народов, сохранились пережитки язычества.

Полоцкая колонизация, шедшая главным образом по р. Вилии вглубь балтско-литовских земель, содействовала дальнейшему росту Кривого Города – Вильнюса, что усиливало позиции виленских князей. Новогрудок мог быть центром Великого княжества Литовского до тех пор, пока оно не выходило за границы бассейна Немана. По мере расширения государства всё более выявлялось его невыгодное положение – изолированность от других земель, особенно от лежащих в бассейне Двины.

В этом отношении Вильнюс был в лучшем положении. Расположенный на пересечении важных торговых путей, в т.ч. и на Вилии, соединявшей его с Полоцкой землёй, он всё более приобретал центральное положение в государстве. «Ещё до времён княжения Гедимины Кривой город развился в такое значительное поселение, что Гедимин счёл необходимым перенести туда столицу Великого княжества Литовского»²⁰⁸. Нет оснований утверждать, что одной из причин переноса столицы

в Вильнюс являлось то, что он размещался «в центре коренной литовской земли, в центре народности» ²⁰⁹. Во-первых, что понимать под коренной литовской землёй? Ею была прежде всего земля летописной Литвы, которая, как мы видим, находилась в Верхнем Понёманье, в окружении славянских земель. Во-вторых, Аукштайтия и Нальшаны уже давно были объектами кривичской колонизации, результатом чего и было возникновение Кривого Города – Вильнюса, который, согласно данным археологии, «был основан кривичами в период расширения Полоцкого княжества в раннефеодальную эпоху на запад» ²¹⁰. Поэтому положение Вильнюса определялось не тем, что он был центром «коренной литовской земли», а тем, что это был один из старых крупных центров кривичской колонизации балтско-литовских земель. Правда, там жило вместе с кривичами и коренное население, стояло святилище языческого бога Перкунаса, однако это уже не было решающим фактором. Тут, как и повсюду на балтско-литовской территории, куда проникала кривичско-дреговичская колонизация, продолжался интенсивный процесс ассимиляции. Насколько он был сильным, свидетельствует и то, что в летописи, рассказывающей об основании Гедимином Вильни (как мог литовец дать городу славянское название?), р. Вилия уже не называется по-литовски Нярисом ²¹¹. А. Кочубинский ошибался, когда считал, что белорусский язык распространился к западу от Вильнюса только в последние десятилетия XIX в. ²¹², так как уже в книге, изданной в 1861 г., говорится, что на территории между Вильнюсом и Тракаем простой люд, то есть коренное население, говорит по-белорусски ²¹³. Но А. Кочубинский совершенно правильно отмечал, что «Виленская губерния... входит в территорию белорусского племени и сам Вильнюс уже за рубежом литовским» ²¹⁴. В своё время В. И. Ленин отметил, что в Виленской губернии литовским является только Троковский уезд ²¹⁵. Такой итог был предreshён ещё в XI-XIII вв. основанием тут Вильнюса и других колоний кривичей в Нальшанах и Аукштайтии.

Таким образом, перенесение столицы Великого княжества Литовского в Кривой Город – Вильнюс стало итогом дальнейшей кривичско-дреговичской колонизации вглубь балтско-литовских земель. Оно также показало, что на первое место в этом государстве выходила Полоцкая земля. А это вызвало смену новгородской династии на полоцкую. В свете приведённых фактов нельзя согласиться с утверждением о «постепенном проникновении» ²¹⁶ Литвы и её «политике наступления на Русь» ²¹⁷. Фактически же происходило постепенное отступление литвы под натиском славянской колонизации. Причём образование Великого княжества Литовского не только не остановило, но, наоборот, ещё больше ускорило ассимиляцию балтско-литовского населения. Ф. Д. Гуревич считает, что расширение границ белорусского языка в зону распро-

странения литовских археологических памятников, по всей видимости, относится к XIV в. ²¹⁸, т.е. уже после появления Великого княжества Литовского. И в этом нет ничего удивительного, так как в образовавшемся государстве белорусская культура была господствующей, а белорусский язык – государственным. На основании этого нельзя согласиться с мнением, что Беларусь в Великом княжестве Литовском находилась в подчинённом ²¹⁹ или неравноправном ²²⁰ положении. В таком случае становится непонятным, почему подчинённая, эксплуатируемая и неравноправная страна всё время расширяла своё территорию, а господствующая, которой считается Литва, теряла свою территорию и население. Всё это свидетельствует в пользу того, что белорусский народ в составе Великого княжества Литовского продолжал творить свою историю, развивал культуру, а не только вносил вклад в чужую историю ²²¹.

То, что образование Великого княжества Литовского благоприятствовало славянской колонизации балтско-литовских земель и ассимиляции их населения и что господствующей культурой в нём стала белорусская культура, а государственным языком – белорусский язык, характеризует это государство прежде всего как белорусское. Таким образом, не так называемые литовские набеги на западнорусские земли, а славянская колонизация балтско-литовских земель была значимым фактором в создании Великого княжества Литовского.

Глава 5. Для кого угроза была больше?

Монголо-татарское нашествие и немецкая агрессия в современных учебниках истории и научных исследованиях рассматриваются в качестве факторов, якобы способствовавших захвату белорусских земель Литвой: «Борьба Руси с татаро-монгольскими завоевателями значительно облегчила литовским князьям осуществление их захватнической политики в отношении русских земель. В условиях татаро-монгольского ига некоторые феодалы Руси в лице Литовского государства видели силу, которая не только сможет дать отпор татарским и немецким захватчикам, но и вместе с тем будет содействовать дальнейшему укреплению их господства над крестьянскими массами» ²²². Приблизительно то же самое сказано и в другом исследовании: «Пришедшие в Аукштайтии к власти феодалы, с одной стороны, пошли на сговор с феодалами значительно более развитой Белоруссии, напуганными Ордой и Орденом; поделившись рентой с литовским господствующим классом, белорусские феодалы вошли в его состав» ²²³. Но это же не что иное, как перепев сказок XVI века. Авторам таких утверждений хорошо известно, что Беларусь, за исключением её южной окраины, не знала монголо-татар-

ского нашествия.* Значит, у феодалов Беларуси не было ни малейшей нужды в том, чтобы искать защиты от татар у Литовского государства. Более того, согласно летописным свидетельствам, литовские князья не одерживали никаких побед над монголо-татарами.

Правда, в известной «Хронике Быховца» рассказывается о двух битвах, под Могильно и под Койданово, в которых якобы татары были разгромлены литовскими войсками. Но ряд обстоятельств заставляет сомневаться в том, что они происходили в действительности.

Вот что рассказывается про Могильнянскую битву. После того, как литовский князь Рингольд немало времени прокняжил в Новогрудке, русские князья Святослав Киевский, Лев Владимирский и Дмитрий Друцкий решили выгнать его из Новогрудка. Взяв в помощь себе от царя завожского несколько тысяч татар, они двинулись на Новогрудок. И вот Рингольд встретил их берегах Нёмана близ Могильно (сейчас на территории Узденского района Минской области, переименовано в Нёман), и в лютом бою, продолжавшемся целый день, разбил своих противников, одержал великую победу и с богатой добычей вернулся в Новогрудок ²²⁴. В «Хронике Быховца» не указано, когда произошло это событие. В старой литературе исторической тематики оно датируется 1235 г. ²²⁵. Но принять эту дату невозможно, так как здесь упоминаются татары, нашествие на Русь которых состоялось только в конце 30-х годов XIII в. Кроме того, Рингольд не мог княжить в 1235 г. в Новогрудке, т.к. в это время там правил Изяслав, как свидетельствует Ипатьевская летопись. Среди князей, отправившихся в поход против Рингольда, упоминается Лев Владимирский. Это могло бы помочь установить наиболее вероятную дату события, если бы оно действительно происходило. В Ипатьевской летописи под 1274 г. сказано, что ряд русских князей, среди которых был и галицкий (а не владимирский) князь Лев, вместе с татарами шли к Новогрудку ²²⁶, который в это время был столицей

* Конкретнее, остались незатронутыми основные княжества: Полоцкое, Туровское, Новогрудское; но пострадал юго-восток: археологами обнаружены следы нашествия в Брагине, Могилёве и (с меньшей определённой) в Гомеле; кроме того, имеются отрывочные свидетельства для Бреста – летопись рассказывает о смраде, исходящем от убитых в поле; в городе же археологами обнаружены в слое этого времени хорошо сохранившиеся остатки домов без следов обычного при штурме пожара. Такое сочетание фактов допускает любую интерпретацию: князья Новогрудка с литвой разбили татарскую армию, пытавшуюся атаковать Брест; жители города разгромили пруссов, посчитавших момент удачным для грабительского набега; банда мародёров ограбила и убила большую группу беженцев недалеко от города; произошло массовое самоубийство жителей Бреста под влиянием религиозной секты, посчитавшей Батыево нашествие признаком конца света и т.п. – прим. перев.

Великого княжества Литовского. Поскольку русские князья и татары двигались к Новогрудку от Слуцка ²²⁷, то их путь мог проходить и через Могильно. Но летопись, подробно освещающая это поход русских князей и татар, ничего не говорит о битве под Могильно. Как мы видели, в «Хронике Быховца» сказано, что эта битва была великой победой, и что русские и татары потерпели сокрушительное поражение, и они, разумеется, после такой неудачи не могли бы идти дальше к Новогрудку. А между тем летопись сообщает, что они, перейдя реку Сервечь, подступили к Новогрудку и взяли его окольный город. Вымышленным является и сам князь Рингольд, так как ни в каких других источниках он не упоминается. Кроме того, «Хроника Быховца» называет его великим князем, но в 1274 г. он не мог быть таковым, так как в это время в Новогрудке княжил Тройдень. Не мог быть он и отцом Миндовга, так как последний погиб в 1263 г., а в «Хронике Быховца» сказано, что Миндовг стал княжить после смерти Рингольда. Всё вышесказанное не подтверждает возможности битвы под Могильно, в частности, в 1274 г., наиболее вероятном для неё, особенно если учесть, что в «Хронике литовской и жмойтской» она датируется 1284 г. ²²⁸ (в этом источнике многие события смещены на 10–15 лет вперёд). Тем не менее всё это не исключает того, что подобная битва была. Возможно, она и была когда-нибудь, но её описание в «Хронике Быховца» искажено до неузнаваемости точно так же, как это произошло и с битвой под Городцом в 1161 г., о чём было упомянуто ранее. Не исключено, что битва под Могильно также произошла в предыдущий, полоцкий исторический период, а позже была приписана литовским князьям.

Маловероятной является и битва под Койданово, так как сведения о ней ещё более противоречивы. В «Хронике Быховца» сообщается, что заволжский татарский царь Балаклай собрал великую рать и пошёл на Русь. А великий князь Скирмунт, собрав свои войска в Койданово, победил всю рать татарскую и самого царя убил ²²⁹. В литературе это событие относят к 1241 г. ²³⁰ Кроме того, указывают на ещё одну битву под Койданово, в которой якобы Миндовг в 1249 г. разбил татар, возглавляемых Койданом, и его союзников галицко-волинских князей Даниила и Василька. Причём утверждается, что Койдан в битве погиб, и таково происхождение названия «Койданово», до этого называвшегося Крутогорьем. Это – наиболее распространённая версия, которая вошла даже в современные учебники по истории Беларуси ²³¹. В «Записках Екатерины II» приводятся сведения о битве под Койданово в 1276 г., напоминающие описание сражения 1241 г.

Поскольку все эти битвы связывают с татарами, то они не могли произойти ни в 1241, ни в 1249 г., ибо, как показывают исследования, первое вторжение татар на территорию Беларуси произошло в 1258 г. ²³²

Битву 1241 г. следует вообще отбросить как вымышленную, так как никогда не было ни великого литовского князя Скирмунта, ни татарского хана Балакляя. Описанное под 1249 г. в чём-то похоже на события 1258 г. Действительно, князем литовским тогда был Миндовг, вместе с татарами шёл волынский князь Василько, (его брат Даниил, притворившись больным, уклонился от участия в походе). Но татар возглавлял не Койдан, а Бурундай, и, самое главное, никакой победы Миндовг не одержал: татары во главе с Бурундаем без сопротивления заняли земли Литовскую и Нальшанскую (напомним, что это территория на западе современной Беларуси). Это подтверждает и Новгородская I летопись, в которой сказано, что татары взяли всю землю Литовскую, а самих побиты ²³³.

Необходимо отметить, что также есть сомнения в существовании Койдана. Среди татарских ханов, военачальников и воевод он не числится ²³⁴. Правда, у татарского хана Менгу-Тимура, правившего в Золотой Орде с 1266 по 1280 г., был сын Кадан ²³⁵. Именно у Менгу-Тимура галицкий князь Лев Данилович просил помощи для похода на Новогрудок. В 1274 г. Менгу-Тимур предоставил татарское войско, но его возглавлял не Кадан, а военачальник Ягурчин ²³⁶. Согласно Галицко-Волынской летописи, татары совершили поход на Новогрудок и в 1277 г. Вполне можно считать, что они проходили через Койданово. Но, во-первых, потерпев там поражение, они не смогли бы двинуться дальше. Во-вторых, возглавлял это войско не Кадан, а военачальник Мамшей ²³⁷. Всё отмеченное свидетельствует о том, что Койдановской битвы не могло быть ни в 1274 г, ни в 1276 г, ни в 1277 г. Кроме того, топоним «Койданово» в Беларуси не один: населённый пункт с тем же названием существовал также неподалёку от г. Поставы ²³⁸, что дополнительно ставит под сомнение происхождение этого названия от имени татарского хана.

Из всего вышесказанного следует, что Могильнянская и Койдановская битвы – это скорее всего мифы, созданные в 16 в. для возвеличения литовских князей, которые якобы единственные могли противостоять монголо-татарским завоевателям, хотя на самом деле было совсем не так.

Разумеется, нельзя отрицать угрозы татарского нашествия, висевшей над белорусскими землями, так как набеги татар, как мы видели, действительно были. Но и нельзя интерпретировать события так, будто только Литва могла защитить земли Беларуси от татарского завоевания. Она не могла защитить даже собственной земли от татар, как это было в 1258 г. Вот почему белорусские феодалы не могли видеть в лице литовских князей силу, способную защитить их от татар. Вот почему белорусским феодалам не было надобности делиться с литовскими феодалами своей «рентой». Тот факт, что Беларусь не испытала монголо-татарского разгрома и владычества, имело для неё важное

значение, которое пока ещё не оценено в исторической науке. Как известно, монголо-татарское иго прервало и замедлило процесс политического объединения русских и украинских земель, подорвало их производительные силы. Всего этого избежала Беларусь. Её объединение не было приостановлено, а производительные силы в результате притока нового населения даже возросли. Всё это и было причиной того, что процессы формирования территории Беларуси и белорусской народности прошли быстрее, чем аналогичные процессы в других восточнославянских землях. Так, когда в 1-й половине XIV века при Иване Калите только начало возвышаться Московское княжество – ядро будущей Великороссии, то белорусские земли к этому времени почти все были собраны и объединены в Великом княжестве Литовском. Белорусские феодалы использовали в своих интересах выгодную им конъюнктуру, в частности, ослабление русских и украинских земель в борьбе с татарами, и завоевали значительную часть их территорий.

Поскольку культурные центры Беларуси не были разрушены, белорусская культура развивалась беспрепятственно, что было причиной её высокого уровня. Потому она и заняла господствующее место в Великом княжестве Литовском, а старобелорусский язык стал в нём государственным.

Что касается немецкой агрессии, то она действительно оказалась тяжёлым ударом для Полоцка. В результате Полоцкое княжество было отрезано от Балтийского моря, что существенно повлияло на историю Беларуси. Однако, говоря об этом, нельзя показывать ситуацию так, будто белорусские земли находились в безвыходном положении и их могла спасти только Литва. Не меньшую угрозу немецкая агрессия несла и народам Прибалтики, которые вместе с Полоцким княжеством стали объектом нападения «псов-рыцарей». Последние смогли, покорив балтские племена пруссов, куршей и земгалов, с трёх сторон окружить Жемайтию. Над ней, как и над другими балтскими землями, нависла смертельная угроза. Из вышесказанного видно, что немецкая агрессия должна была утратить не только белорусских, но в ещё большей степени феодалов балтских земель. Если Полоцкое княжество утрачивало приобретённые им в Нижнем Подвинье земли, то балты теряли свою коренную территорию. Так разве могли феодалы Литвы в таких условиях отважиться на захват белорусских земель, разве могли белорусские феодалы видеть в их лице защитников от немецкой агрессии?

В исторических исследованиях отмечается, что немецкая агрессия заставила балтско-литовские земли объединиться и тем самым ускорила процесс образования Литовского государства. Это, как утверждается, и дало возможность литовским феодалам завоевать разрозненные белорусские земли. Однобокость этой схемы очевидна, так как остаётся непонят-

ным, почему та же самая немецкая агрессия не заставила объединиться белорусские земли. Ранее уже было отмечено, что степень разрозненности белорусских и, в частности, полоцких земель в XIII в. сильно преувеличена. Осознав на горьком опыте смертельную угрозу немецкой агрессии, Полоцкая земля всё тесней сплочалась для отпора врагу. Следует заметить, что Полоцк не сразу разглядел настоящую сущность немецких рыцарей. Полоцкий князь Владимир в 1186 г. дал немецкому монаху Мейнарду, видимо, умотрев в его деятельности лишь миссионерский, а не захватнический характер, разрешение окрестить ливов, находившихся в зависимости от Полоцка. Ещё более легкомысленно отнеслись к рыцарям в других странах Восточной Европы. Литовцы (летоны) в 1202 г. заключили договор с епископом Альбертом против земгалов. Мазовецкий князь Конрад в 1225 г. пригласил тевтонцев для борьбы с пруссами. Не раз совместно с рыцарями действовали псковские и новгородские отряды. Эта беззаботность и была одной из причин первых успехов немцев в Восточной Европе. Для Полоцка она обернулась потерей Нижнего Подвинья.

Сплочённость Полотчины в борьбе с крестоносцами очень хорошо показана в «Хронике Ливонии». Так, согласно ей, для похода на тевтонов «король (Владимир) собрал войско со всех концов своего королевства, а также от соседних королей (удельных князей Полотчины), своих друзей, и с великой храбростью спустился вниз по Двине» ²³⁹. Разве могло быть такое при междоусобной борьбе?

Смертельная угроза немецкой агрессии, которая нависла как над Полоцком, так и над балтско-литовскими землями, требовала объединения их сил. Ярким свидетельством этого может быть тот факт, что войско Владимира Полоцкого, с которым он в 1216 г. собрался идти на Ригу, наполовину состояло из литовцев. Важным фактором в организации отпора рыцарям было укрепление связей Полоцкой земли с соседними русскими землями, в первую очередь с Новгородской и Псковской. Подтверждением этому является женитьба новгородского князя Александра Невского на дочери полоцкого князя Брячислава в 1239 г. Союз Полоцкой и Новгородской земель был важным условием победы над немецкими агрессорами на Чудском озере в 1242 г., что в дальнейшем облегчило и задачу защиты белорусских земель от крестоносцев. Единение Полоцкой, Новгородской и Псковской земель привело к победе над немцами и в 1262 г. под г. Юрьевым.

Глава 6. Что же завоевал Миндовг?

Ни раздробленность белорусских земель, ни литовские набеги на них, ни монголо-татарское нашествие и немецкая агрессия – всё то, что в исторической науке рассматривается как факторы, которые якобы обусловили так называемое литовское завоевание белорусских земель,

нельзя признать убедительными аргументами. Утверждение о литовском господстве над Беларусью держится, в сущности, на традиции, которая восходит к историко-публицистическим произведениям XVI в. Но их легендарность, как было показано выше, не вызывает сомнений.

Немаловажную роль в живучести мифа о литовском завоевании имело то обстоятельство, что государство называлось Литовским. Но мы уже показали, что во времена его образования название «Литва» относилось не к землям современной Литвы. Кроме того, не стоит на все исторические события распространять привычное представление, что страна получает название от той своей части, которая доминировала в момент её образования. Западно-балтская земля Пруссия была в конце XII в.* окончательно завоёвана немцами и позже онемечена. Но названия своего она не только не потеряла, но и распространила его на запад. В 1618 г. Пруссия была присоединена к Бранденбургу²⁴⁰, однако и после этого сохранила своё название, которое перешло и на Бранденбург. Так неужели, учитывая название, Пруссию следует считать государством не немцев, а пруссов? Нечто похожее произошло и с Литвой. Завоёванная Новогрудком, она также не потеряла своего названия, которое также стало распространяться на запад, в том числе и на современную Литву. И как нельзя утверждать, что название «Пруссия» происходило из Берлина, так же нельзя считать, что название «Литва» исходило из Вильнюса. Интересно отметить ещё одну параллель. Как название пруссов перешло на восточных немцев и они стали называться пруссаками, так и название «Литва» перешло на живших в бассейне Немана белорусов, долгое время называвшихся литвинами.

Принято считать, что в полном названии страны «Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское» вторая часть включает в себя белорусские и украинские земли. Но есть основания (к сожалению, на них не обращают внимания), свидетельствующие о том, что понятие «Русское» относилось только к украинским землям, а понятие «Литовское» – только к белорусским. Так, когда в результате Люблинской унии 1569 г. украинские земли были включены в состав Короны, т.е. собственно Польши, и, таким образом, более не принадлежали Великому Княжеству, то летописи последнего, созданные в это время, (Красинского, Рачинского, Румянцевский, Евреиновский и др.), называют своё государство княжеством Литовским и Жемойтским²⁴¹. На этом основании можно сделать вывод, что под Литовским понимались белорусские земли, а под Жемойтским – литовские в современном понимании. Показательно и то, что белорусский язык тогда порой выступал под именем литовского. Так, Л. Зизаний, объясняя значение заголовка своей книги «Катехизис», говорит, что «по-литовски – это оглашение, русским же языком нарицается беседословие»²⁴². Тут значение слова «литовский» тождествен-

* На самом деле – в конце XIII в. – прим.перев.

но понятию «белорусский», и отличается от понятия «русский». Также и П. Берында в своём «Лексиконе» (1627) белорусский язык называет литовским. И уже в XVIII в. епископ В. Садковский угрожал на слущком епархиальном соборе попам, которые в своей деятельности употребляли белорусский язык: «Я вас искореню, уничтожу, чтоб и языка не было вашего проклятого литовского»²⁴³. Эти и другие подобные факты показывают, что понятия «Литва» и «литовский» в прошлом прежде всего соответствовали современным понятиям «Беларусь» и «белорусский».

Остаётся ещё один довод в пользу версии литовского завоевания Беларуси, а именно то, что в конце 40-х годов XIII века в Новогрудской земле стал княжить выходец из Литвы Миндовг. Но было ли это только результатом завоевания Новогрудка Миндовгом? Для выяснения этого надо вспомнить, что многие литовские князья и феодалы, потерпев поражение в междоусобной борьбе, перебегали в соседние края (Орден, Ригу, русские земли), где были желанными людьми, там их охотно принимали, компенсировали утраченное имущество. Приняв христианство и получив войско, они нападали на литовско-балтские земли, разбойничая там и разоряя их²⁴⁴. Немало примеров таких перебежчиков в Орден привёл в своей книге В. Пашуто.

Интересны судьбы двух нальшанских перебежчиков Суксе и Довмонта, которые, спасаясь от Войшалка, убежали из родных земель: первый – в Ригу, второй – во Псков. Они стали верными слугами своей новой родины и заклятыми врагами своей земли. Вот что говорит про Суксе немецкая хроника: «Суксе родился в Литве; приняв христианство, он жил среди орденских рыцарей, выделяясь храбростью и богобоязностью. Погиб во время похода на Литву.»²⁴⁵

Точно так же ведёт себя по отношению к Литве и Довмонт, избранный в 1266 г. после принятия им христианства псковским князем. Вот несколько выдержек из Новгородской I летописи: «В лето 6774 (1266). Вложи бог в сердце Довмунту благодать свою... отомстити кровь крестьянскую, и поиде с пльсковичи на поганую Литву, и повоеваша много... и пособи бог князю Довмунту с пльсковичи и множество много их (литвы) побиша, а иние в реце истопиша... Того же лета на зиму ходиша паки пльсковичи на Литву с князем Довмонтом. В лето 6775 (1267)... ходиша новгородцы с Ельферьем Сбысловичем и с Доумонтом с пльсковичи на Литву, и много их повоеваша»²⁴⁶.

Пример Довмонта показывает, что появление в той или другой из русских земель князя из Литвы не является доказательством завоевания её Литвой, так как он мог быть там в качестве не завоевателя, а перебежчика или наёмника. Отсюда следует, что избрание в середине 13 века в некоторых русских землях князей литовского происхождения было свидетельством не усиления Литвы, а наоборот, её распада и ослабления, так как они там были не её ставленниками, а её врагами.

Таким перебежчиком, по-видимому, был и Миндовг, так как поведение его целиком напоминает поведение других литовских перебежчиков. Важно отметить, что все предыдущие сведения про Миндовга характеризуют его исключительно как наёмника. Первый раз он упоминается в договоре 1219 г., когда он вместе с другими балтско-литовскими князьями обязался перед галицко-волынскими князьями воевать против поляков.²⁴⁷ Точно так же и в 1237 г. он вместе с новгородским князем Изяславом по желанию Даниила Галицкого воевал с Конрадом Мазовецким²⁴⁸. В 1245 г. Миндовг снова на стороне Даниила Галицкого в его борьбе с черниговским князем Ростиславом²⁴⁹. Где-то в промежутке 1245–1246 гг. он был приглашён куронами помогать им в борьбе с немцами. Но под крепостью Амботен он потерпел страшное поражение и вынужден был отступить. Крестоносцы напали на его владения и хотя не взяли укреплений, но нанесли большие опустошения и разрушения его земле.²⁵⁰ Это не могло не привести к ослаблению позиций Миндовга в Литве, что использовали его противники. В междоусобной борьбе, которую они развязали против Миндовга, он потерпел поражение и был вынужден спасаться бегством в соседний Новгородок. Явный намёк на всё это есть в Ипатьевской летописи, где говорится, что Миндовг позже изгнал литовских князей «за ворожьство с ними»²⁵¹. Значит, Миндовг мстил за враждебные действия по отношению к нему.

Для каждого перебежчика из Литвы было обязательным принятие христианства: в Ордене – западного, католического обряда, в древнерусских землях – восточного, православного. То же самое сделал и Миндовг. Густынская летопись под 1246 г. сообщает: «Миндовг принять веру христианскую от Востока со многими своими бояры... непомнозе же сын его Войшелк пострижеса во иночество». Хотя Густынская летопись и поздний источник (17 век), но отмеченное сообщение, бесспорно, заслуживает доверия. Дело в том, что все события, о которых говорится в этом месте, а именно гибель австрийского герцога Фридриха, смерть князя Ярослава Всеволодовича (отца Александра Невского) и прибытие посольства от папы римского к татарам – эти события действительно произошли в 1246 году. При этом обращает на себя внимание строгое сохранение летописцем хронологической последовательности в передаче событий: первое из них произошло 15 июня²⁵², второе - 30 сентября²⁵³, третье - осенью²⁵⁴. Поскольку сообщение о Миндовге поставлено последним, то можно полагать, что его крещение произошло где-то поздней осенью или в начале зимы, то есть в конце года (тогда мартовского*, т.е. в начале 1247 г.).

* *Первым месяцем года в то время был март. 1246-й год (точнее, 6755 от сотв. мира) в понимании летописца – это период с марта 1246 г. по февраль 1247 г. в современном понимании. – прим.перев.*

Факт принятия Миндовгом христианства «от Востока» подтверждает то, что он не завоевал Новогрудок, а был избран тут князем, как позже Довмонт в Пскове. Ему как завоевателю не нужно было бы принимать православие. Характерно, что подобно Довмонту, убежавшему в Псков «с 300 литвы», Миндовг явился в Новогрудок с многими боярами, которые также приняли христианство. Это дополнительное свидетельство того, что Миндовг был одним из перебежчиков, которые бежали из Литвы со всем своим родом и окружением. Принятие Миндовгом православия надо считать началом его княжения в Новогрудке в конце 1246 г. или в начале 1247 г. Мы не знаем, кто был князем в Новогрудке непосредственно перед Миндовгом. Как уже отмечалось, в летописи под 1237 г. упоминается новогрудский князь Изяслав²⁵⁵, но ничего не известно про его дальнейшую судьбу: до каких пор княжил там и почему перестал княжить. Позже, в 1256 г., упоминается князь Изяслав в Свислочи. Возможно, это бывший новогрудский князь.

Феодалы Новогрудка хорошо знали Миндовга как князя соседней Литвы и участника совместных походов, как это было в 1237 г. Основной целью избрания Миндовга новогрудским князем была идея использовать его для завоевания Литвы, что входило в планы богатых феодалов Новогрудка как первое звено расширения своей власти на соседние земли и объединения их. В этот момент для Новогрудка сложились благоприятные условия. Самое важное из них – то, что Новогрудской земле удалось выйти из-под зависимости от галицко-волинских князей, в первую очередь потому, что их земля была ослаблена монголо-татарским нашествием. И это произошло где-то в начале 1240-х гг. Так, если в 1237 г. по желанию Даниила Галицкого против Конрада Мазовецкого вместе с «Литвой Миндовга» выступал и князь Новогрудка, то в междоусобной борьбе на стороне тех же князей в 1245 г. выступил только Миндовг. Во всяком случае, все дальнейшие действия Новогрудка показывают его как самостоятельную силу, что, естественно, и вызвало против него соответствующую реакцию галицко-волинских князей. В то же время Литва в качестве наёмной силы значительно ослабела. В таком положении Миндовг для жителей Новогрудка был хорошей находкой. Обиженный своими соотечественниками, он лучше, чем кто-нибудь, с большей заинтересованностью и решительностью мог завоевать свою бывшую родину. Этот опыт Новогрудка был эффективен, поэтому его позже успешно использовали полоцкие и псковские феодалы. Они тоже дали убежище изгнанникам из Литвы и избрали их своими князьями.

Вскоре Миндовг приступил к завоеванию Литвы, т.е. к реализации того, для чего взяли его жители Новогрудка. Ипатьевская летопись под 1252* г. свидетельствует: «Въ то же лѣто изгна Миндогъ сыновца свое-

* Так в летописи, но летописная дата ошибочна; согласно исправленным М. Грушевским датировкам – 1248 г. – прим.перев.

го Тевтивила и Едивида, пославшу ему на воину ею съ вуюемъ своим со Выконтомъ, на Русь воевати къ Смоленску и рече: «Што хто приемлетъ собѣ деръжить», вражбою бо за ворожьство с ними Литву зане, поимана бѣ вся земля Литовьская, и бещисленое имѣние их притрано бѣ богатство ихъ, и посла на нѣ вои своѣ хотя убити я» ²⁵⁶. Тут, как и далее в летописи, как в зеркале, отразилась историческая правда. Как видим, Миндовг пошёл на хитрость. Подговорив своих племянников Товтивила и Едивида с их дядей Викинтом идти на Смоленск, он послал вдогонку своё войско, чтобы их убить.* Видимо, Миндовг пообещал им помощь, ибо как иначе, не вызывая подозрений, он мог послать за ними своё войско. В. Пашуто этот факт объяснял тем, что Миндовг действительно послал их воевать к Смоленску и даже обещал отдать им всё, что они завоюют. Больше того, ссылаясь на Суздальскую и Новгородскую летописи, каждая из которых называет различные даты (1248, 1245 гг.), а также на папского посла Плано-Карпини, путешествовавшего по Руси в 1245–1246 гг., этот исследователь утверждал, что поход жемайтских князей действительно затронул полоцко-витебские земли и северную часть Смоленщины ²⁵⁷. Но далее В. Пашуто признал, что фактически Миндовг «изгна» жемайтских князей ²⁵⁸.

Значит, Товтивил, Едивид и Викинт (или Виконт) были изгнаны из Литвы. Это произошло в результате того, что Миндовг «Литву зане, поимана бѣ вся земля Литовьская». Прочитаешь эту фразу и удивляешься тому, что без конца говорят и пишут про завоевание Миндовгом так называемой Чёрной Руси, в то время как на самом деле он «Литву зане». Эти слова исключительно ясно подтверждают, что Миндовг был перебежчиком в Новогрудке, а не его завоевателем. Ибо если б он из Литвы завоевал Новогрудок, то зачем было бы ему занимать Литву? Слова «поимана бѣ вся земля Литовьская» означают, что Миндовг перед этим не владел никакой частью её. Значит, он прибыл в Новогрудок, потеряв Литву.

В своё время Н. Дашкевич отметил, что исследователи не объяснили слова «вражбою бо за ворожьство с ними Литву зане» ²⁵⁹. И это понятно, так как в этих словах заключалось опровержение мифа про заво-

* Интерпретация Н. Ермоловича нуждается в уточнении, так как слово «пославшу» указывает на власть, а не на интриги равноправных партнёров («подговорив»). Летописи лучше соответствует версия, что Миндовг сначала завоевал Литву с новогрудским войском, затем побеждённые Товтивил и Едивид на словах признали власть своего родича, однако стали организовывать дальнейшее сопротивление, и уже тогда Миндовг приказал им примкнуть с небольшими дружинами к набегу, организуемому в это время Викинтом, и когда они покинули Литву и оказались разделены со своими сторонниками, Миндовг под предлогом старой вражды конфисковал их имущество и послал вдогонку войско, чтобы их убить. – прим. перев.

евание Миндовгом Новогрудской земли, взятого на вооружение официальной историографией. Сам Н. Дашкевич также не рискнул нарушить казённое единодушие в этом вопросе. Наукой также не ставился вопрос, почему белорусско-литовские летописи, переполненные баснями про разных мифических жемайтских князей, ни слова не говорят про исторически реального князя Миндовга, который действительно был там. И только «Хроника Быховца» передаёт известия Ипатьевской летописи про Миндовга, однако исключая слова про завоевание им Литвы, так как они зачеркнули бы басни этой летописи про завоевание литовскими князьями Новогрудка и Полоцка. Характерно, что и В. Пашуто, пересказывая это место Ипатьевской летописи, тоже опустил слова «Литву зане» и никак не комментирует фразу «поимана бе вся земля Литовьская»²⁶⁰.

Эти летописные известия ясно показывают, что создание Великого Княжества Литовского началось не с завоевания Новогрудской земли Литвой, а, наоборот, с завоевания Новогрудской землёй Литвы. Этот захват новогрудские феодалы осуществили своими силами с помощью литовского перебежчика Миндовга. Последний, в ходе мести князьям Литвы за их «ворожьство» к нему, отбирая у них «бесчисленное имение», действовал в интересах новогрудских феодалов. Поэтому неудивительно, что феодалы Литвы оказали упорное сопротивление Миндовгу. Здесь ясно видно, что действия Миндовга диктовались интересами Новогрудка, а не Литвы. Действительно, если принять противоположную точку зрения, становится непонятно, почему созданию Литовского государства всё время мешают не белорусские, а литовские феодалы.

В. Пашуто был не прав, когда говорил, что «всё шло относительно гладко, пока Миндовг действовал в пределах Аукштайтии. Но его наступление на права жемайтских князей вызвало феодальную войну»²⁶¹. Это противоречит фактам. Мы уже не будем повторять, что В. Пашуто принимал летописную Литву за Аукштайтию, к которой Миндовг не имел никакого отношения. В летописи ничего не говорится про Жемайтию. Там сказано, что Миндовг занял Литву. Слова же «поимана бе вся земля Литовьская» свидетельствуют про захват не только «Литвы Миндовга», но и правобережной Литвы. Но понятие «вся земля Литовьская» в то время не распространялось на Жемайтию. Когда после убийства Миндовга Трянята стал князем Литвы и Жемайтии, летопись это и зафиксировала: «Трянята нача княжити во всеи землѣ Литовьскои и в Жемоти»²⁶². Про Миндовга же там ни разу не сказано, и поэтому нет никаких оснований считать, что он наступал только на права жемайтских князей. Неизвестно также, почему В. Пашуто называл Товтивила и Едивида жемайтскими князьями. Они были сыновьями брата Миндовга Довспрунга²⁶³, а тот в договоре 1219 г. назван князем Литвы. Викинт –

жемайтский князь, но он был изгнан потому, что вместе с племянниками пошёл в поход.* Дальше он действительно был в Жемайтии. Таким образом, нет оснований утверждать, что только жемайтские князья оказали сопротивление Миндовгу. В первую очередь и в наибольшей степени ему противостояли князья Литвы, интересы которых он главным образом затронул.

Товтивил, Едивид и Викинт, подобно иным изгнанникам из Литвы, потеряв опору в своей земле, были вынуждены обратиться к помощи извне. Узнав про намерения Миндовга убить их, они убежали к галицко-волынским князьям Даниилу и Васильку, зная, что примут их там с радостью. И не ошиблись.

Захват Новогрудком Литвы не мог не вызвать тревоги у галицко-волынских князей. Усиление Новогрудка в результате расширения его власти на Литву давало ему возможность перехватить инициативу в объединении западнорусских земель. А на эту роль претендовали сами галицко-волынские князья. Даниил Галицкий давно и хорошо понимал геополитическое значение Литвы. Недаром он был женат на сестре Товтивила и Едивида ²⁶⁴. И когда Миндовг оказался в Новогрудке и завоевал Литву, он превратился из бывшего союзника галицко-волынских князей в их заклятого врага, и они сразу оценили всю серьёзность положения. В осуществлении своих дальнейших намерений наступил подходящий момент для вмешательства в дела Новогрудского княжества. Даниил Галицкий сразу отправил послов к польским князьям со словами: «Яко время есть христьяномъ на поганѣѣ, яко сами имѣють рать межи собою» ²⁶⁵. Эта фраза объясняет, почему в Галицко-Волынской летописи отсутствует сообщение о принятии Миндовгом православия в 1246 г.: оно бы противоречило вышеприведённым словам Даниила Галицкого и лишило бы смысла его призыв на борьбу с язычниками. Но дело, понятно, было не в язычестве, ведь именно с беглыми феодалами-язычниками галицко-волынские князья вступали в союз.

* Ермолович здесь непоследователен. Миндовг, в его концепции владевший на данный момент лишь Новогрудской землёй и летописной Литвой, не мог изгонять князей Жемайтии. Следовало подчеркнуть, что летопись относит изгнание лишь к Товтивилу и Едивиду, а Викинт показан как их союзник в набеге. Далее Викинта посылают с дипломатическими поручениями галицкие князья (не обязательно изгнанник, возможно, младший партнёр в военной коалиции, иначе бы посылали самого Товтивила как центральную фигуру инцидента). Далее Викинт подкупает жемайтов богатыми дарами, чтобы они воевали с Миндовгом (значит, на Жемайтию не распространялась власть Миндовга; власть же Викинта была слаба и ограничена наличием группировки, выступавшей против войны). В целом, можно заметить, что Ермолович не довёл свою концепцию до совершенства. – прим. перев.

Беглые князья Литвы, подобно иным перебежчикам, являлись послушными исполнителями воли новых хозяев. Те послали их в Орден и Ригу, в Жемайтию и к ятвягам с целью создания коалиции против нового государства, что в конце концов и удалось сделать путём подкупа. Однако если этим участникам коалиции отводилась второстепенная роль, то на себя галицко-волынские князья взяли основную задачу – борьбу с Новогрудком как с центром нового государства. Тем самым они вновь показали, что для них первым врагом было не язычество, а христианская Новогрудская земля, и развернули против неё широкое наступление сразу по трём направлениям – на Волковыск, Слоним и Здитов, в результате чего «поидоиста к Новугороду»²⁶⁶ и «поимаша грады многы и възвратишася в домы»²⁶⁷. Из этого видно, что галицко-волынские князья не ставили в тот момент себе задачей завоевание Новогрудской земли: они её опустошали и грабили, и тем самым обессиливали.

Узнав, что немцы собираются помочь Товтивилу в борьбе с Миндовгом, Даниил Галицкий дал ему своё войско и половцев. С этой силой Товтивил пошёл в Ригу, где крестился в католичество. Миндовг увидел, что вокруг него сжимается враждебное кольцо, и решил также действовать подкупом в отношениях с Ригой. Тут у него было преимущество перед Викинтом и Товтивилом: казна новогрудских феодалов была богатая. Но одних роскошных даров было мало. Рижским епископом Андреем* было поставлено условие: принять крещение от папы, и только тогда Миндовг одолеет врагов, т. е. ему будет оказана нужная помощь. Римская курия уже давно внимательно следила за событиями в Восточной Европе и использовала каждый удобный момент для расширения там влияния католической церкви. Особенно пригодными в этом отношении были моменты вражды и соперничества между отдельными землями, в частности, Новогрудской и Галицко-Волинской. Папа римский Иннокентий XIV не преминул дать в этом случае согласие на крещение Миндовга и вручение ему королевской короны. Согласно Густынской летописи, это произошло в Новогрудке в 1252 г. (по некоторым альтернативным предположениям, в 1253 г.). Через два года такая же самая корона была вручена от имени папы римского Даниилу Галицкому.

Положение Миндовга незначительно улучшилось. Рига не воевала с ним, в его войске появился немецкий отряд. Между войсками Миндовга и Товтивила произошли две битвы, и обе без результата. Во

* Ошибка Н. Ермоловича неясного происхождения (возможно, связанная с низким общим уровнем информированности о религиозных организациях в СССР). На самом деле это был не епископ, а ландмейстер Тевтонского ордена в Ливонии Андреас фон Фельбен. – прим. перев.

время первой Миндовг находился в своей родной Ворути, и его противники ограничились рыцарским турниром, во время другой уже сам Миндовг осадил город Викинта Твирыметь, но, раненый, повернул назад. Враги Миндовга хорошо понимали, что сила его – в Новогрудской земле, и что без обессиления её невозможна победа над ним. Вот почему Товтивил послал некоего Ревбу к Даниилу Галицкому с просьбой: «Поиди к Новугороду» ²⁶⁸. Просьба была выполнена с удовольствием. Даниил собрал огромные силы: с ним были его брат Василько, сын Лев и сват – половецкий хан Тягак. По дороге они взяли с собой пинских князей. Последние, как свидетельствует летопись, пошли неохотно. И это понятно. Поход был организован не только против Новогрудка, но и против Литвы, заслонявшей Новогрудскую землю с юго-востока. А пинским князьям не хотелось враждовать со своими соседями, с которыми у них давно уже определились общие экономические интересы. Литва оказала сопротивление: послав сторожу на озеро Зьяте, гналась за галицко-волинским войском до р. Щары. Даниил был вынужден сделать суровое внушение своим войскам, особенно тем, которые не хотели воевать. Сопротивление Литвы было сломлено, и «наутрѣя же плѣниша всю землю Новгородскую, оттуда же возвратишася в домъ свои» ²⁶⁹. Но этого было недостаточно. Даниил послал своего брата Василька и сына Романа в западную часть Новогрудской земли – Городенское княжество (этот факт и даёт основание утверждать, что оно входило в состав Новогрудской земли). Там был захвачен Городень (Гродно), а после того как Даниил дополнительно «посласта многы своя пѣшьць и коньники», «плѣниша всю воотчину ихъ и страны» ²⁷⁰.

Как видим, в результате этого похода была занята левобережная Литва и вся Новогрудская земля. И хотя Миндовг послал своего сына под Турийск, хотя к этому времени ему удалось подкупить ятвягов, война была проиграна и он попросил у Даниила мира. Но условия мира, предложенные Миндовгом, были, видимо, неприемлемы для Даниила Галицкого. Мир был заключен после ещё одного похода Даниила «на Литву на Новѣгородокъ» ²⁷¹.

Почему-то В. Пашуто ничего не писал про этот поход, возможно, потому, что это место летописи ясно указывает на местоположение летописной Литвы между Пинской и Новогрудской землями. А ведь именно этот поход и заставил Новогрудок заключить мир на условиях, продиктованных Даниилом Галицким. Вот почему нельзя показывать окончание войны 1248–1254 гг. как триумф политики Миндовга, как это утверждал В. Пашуто, отмечая, что за Миндовгом осталась Чёрная Русь ²⁷². При этом он не объяснил, почему он изменил своё предыдущее мнение, согласно которому этот мир являлся победой Даниила ²⁷³, что в большей степени отвечает действительности. В. Пашуто также писал: «завоевать Литву

никому не удалось»²⁷⁴. Но Литву и Новогрудок никто и не собирался завоевывать. Мы видели, что галицко-волынские князья трижды занимали Новогрудскую землю и дважды Литву и каждый раз после этого «возвратишься в дом свой». Для завоевания и особенно удержания в своих руках Новогрудской земли и Литвы у них просто не было сил: Галицко-Волынская земля в то время была занята борьбой с монголо-татарами и войной за австрийское наследство. Война 1248–1254 гг. была вызвана завоеванием Литвы Новогрудком, что привело к расширению территории и увеличению силы Новогрудского государства. Поэтому галицко-волынские князья, которые вели войну с Новогрудком, имели цель заставить его отказаться от Литвы. Они этого добились. Миндовгу пришлось удовлетвориться только ролью князя Литвы, в то время как Новогрудок взял себе другого князя – Войшелка, старшего сына Миндовга.

Глава 7. Политика Войшелка и второе завоевание Литвы.

Как видим, первая попытка завоевания Литвы Новогрудской землёй окончилась неудачей. Основными противниками этого были: изнутри – литовские феодалы, а извне – галицко-волынские князья. Эти две силы наиболее последовательно боролись за раскол Новогрудка и Литвы и довели своё дело до конца.

Однако, несмотря на первую неудачу и опустошения, вызванные тремя походами галицко-волынских войск на Новогрудскую землю, её феодалы не отказались от своих намерений завоевать Литву. Но они учли горький опыт первой своей попытки, чей исполнитель – Миндовг – оказался плохим, неумелым политиком. Его действия вызвали международный конфликт, целая коалиция выступила против Новогрудского государства. Особенно неудачным политическим маневром Миндовга был союз с Орденом. Во-первых, это сильно повредило балтско-литовским землям. По условиям этого союза, Миндовг за их счёт делал земельные пожертвования Ордену и отказывал Жемайтии в помощи во время её борьбы с немцами. Рыцари, развязав себе руки договором с Миндовгом, развернули широкомасштабное наступление против Пруссии и Жемайтии. С другой стороны, маневр Миндовга ничего не дал и Новогрудку – не остановил галицко-волынского наступления, что и было главной причиной неудач.

Учитывая православный фанатизм будущего новогрудского князя Войшелка, можно считать, что принятие Миндовгом католичества вызвало неудовольствие жителей Новогрудка и наряду с прочими причинами привело к смещению его там с княжеского престола.

Таким образом, роль Миндовга в истории явно преувеличена. Он фактически не был основателем Великого княжества Литовского, как

вплоть до последнего времени рассказывалось в литературе ²⁷⁵. Не он сделал своей столицей Новогрудок ²⁷⁶, а Новогрудок избрал его своим князем. Не литовскую власть представлял там Миндовг ²⁷⁷, а был исполнителем политических стремлений Новогрудка. Поэтому, не оправдав надежд новогрудских феодалов, он и потерял трон этого города.

Правда, в последнее время утверждают, что столицей Миндовга был не Новогрудок, а Вильнюс ²⁷⁸. Но это противоречит письменным источникам. Нельзя игнорировать и топонимику: в Новогрудке есть гора Миндовга ²⁷⁹ и лес Миндовга ²⁸⁰. Вильнюс же впервые упоминается в качестве столицы Великого княжества Литовского только в 1323 г.

Мы не знаем точно, когда Миндовг оставил Новогрудок; это, скорее всего, произошло в 1254 г., когда был заключен мир с галицко-волынскими князьями. Но от имени Новогрудка здесь действовал не Миндовг, а Войшелк.

Новогрудским феодалам, как и ранее, был нужен литовский князь, который, захватив Литву, оказался бы там законным хозяином. Так впоследствии и случилось. Во-вторых, от него требовалось, чтобы он был таким же неразборчивым в средствах для достижения своих целей, таким же решительным и вероломным, как Миндовг. Будущее показало, что по этим качествам Войшелк не только не уступал отцу, но даже превосходил его. В третьих, был нужен тонкий политик и одновременно дипломат, действующий более предусмотрительно и не создающий так много врагов, как Миндовг. И в этом новогрудские феодалы также не ошиблись. Наконец, этот князь должен был быть в большей степени привязанным к Новогрудку, в большей степени действовать в его интересах. Миндовг же, как известно, в основном мстил за свои обиды, во всех его поступках видно прежде всего стремление отстаивать личные интересы. Он в большей степени приспособлялся к существующим условиям, чем сам создавал их, о чем свидетельствует его переход из язычества в православие, из православия в католичество, потом снова в язычество. Войшелк был полной противоположностью Миндовга. Навсегда связавший свою судьбу с Новогрудком, он был православным фанатиком. Служение Новогрудку и православию – вот та пружина, приводившая в действие князя Войшелка. В этом отношении он напоминал Довмонта, который, несмотря на литовское происхождение, верно служил Пскову и православию, за что после смерти был причислен к лику святых.

Вот такой человек стал новогрудским князем. В этот момент ему было 32 года (согласно Татищеву, он родился в 1223 г.). Первым крупным государственно-дипломатическим действием Войшелка было заключение мира с галицко-волынскими князьями. В летописи сказано: «Потом же Воишелкъ створи миръ с Даниломъ и выда дщерь Миндогдову за

Шварна, сестру свою» ²⁸¹. Прийти к соглашению было нелегким делом. Он выступал от имени побежденной и обессиленной страны. В таком незавидном положении нужно было заключить выгодный для себя мир. Войшелк хорошо понимал, в чем основной просчет Миндовга: захват Литвы вызвал враждебность галицко-волынских князей. Поэтому его основной задачей было привлечь бывших противников на свою сторону и некоторое время опираться на их помощь. Гарантией этого стал брак дочери Миндовга и сына Даниила Галицкого. Надо полагать, на этом браке настаивал и Даниил Галицкий, чтобы в дальнейшем иметь больше возможностей для вмешательства в дела Литвы. Для этого же и он сам был женат на сестре Товтивила. Сама летописная формулировка свидетельствует, что все было сделано против воли Миндовга. Правда, последний в 1252 г. тоже вместе с вопросом о мире поставил и вопрос «о сватстве», но, видимо, на других условиях, и поэтому теперь уже не Миндовг выдавал «свою дочь», а Войшелк выдавал «дочь Миндовгову и свою сестру за Шварна». Но закрепление мира путем вступления в брак было обычным делом, которое в большинстве случаев не гарантировало прочности соглашения. Поэтому Войшелк пошел на необычный поступок. Он отдал Новогрудскую землю, включая Новогрудок, Слоним, Волковыск и остальные города Роману, сыну Даниила. Такой странный ход современники не могли объяснить ничем, кроме желания Войшелка принять монашеский постриг. На самом же деле это был весьма тонкий и дальновидный политический ход. Войшелк окончательно входил в доверие к галицко-волынским князьям. В. Пашуто утверждал, что по условиям мира «Черная Русь осталась за Литвой» и что «в ней правил Войшелк» ²⁸², не объясняя и не анализируя то, зачем было Миндовгу отдавать Войшелку Новогрудскую землю. Мы уже знаем, что она никогда не принадлежала Литве, а все было наоборот. Более того, В. Пашуто утверждал, что Миндовг оставил себе Новогрудок, а Войшелку отдал все остальные города Новогрудской земли, поэтому Войшелк передал Роману Новогрудок от имени Миндовга, а Волковыск, Слоним и другие города – от своего имени. Это на первый взгляд подтверждается словами летописи: «... вдасть... Новогородок от Миндовга и от себе и Вослоним и Волковыеск и все городы». Но этот текст летописи дает основания для разночтений в зависимости от того, куда отнести слова «и от себе» – к Новогрудку или к остальным городам. Зато летописная запись под 1257 г. ясно говорит, что Войшелк от своего имени, а не от имени Миндовга передал Роману Новогрудок: «Вышелкъ бе даль Новогородокъ Романови» ²⁸³. Как видим, тут летопись не упоминает Миндовга. Почему же он фигурирует в предыдущем тексте? Войшелк мог предвидеть, что в его отсутствие Миндовг сможет претендовать на Новогрудок и всю землю и при удобном случае вернуться туда. Немного забегаая вперед, скажем, что бдительность Войшелка

не была лишней. Кто-кто, а он знал своего отца. Действительно, последний, хвастаясь, вскоре пообещал Даниилу Галицкому, подбивая его идти войной на татар (он не мог им простить похода Бурундая на его земли в 1258 г.): «Пришлю к тобѣ Романа и Новгородцѣ»²⁸⁴. Видимо, он и хотел, пользуясь отсутствием Романа с войском и занятостью галицко-волынских князей борьбой с татарами, каким-то образом вернуться в Новогрудок. Обычно исследователи указывают на вышеприведенные слова Миндовга как на свидетельство зависимости Новогрудка от него и при Романе. Но они не учитывают, что жители Новогрудка оказались непослушными, и Миндовгу пришлось посылать свое войско, так как Роман привел «мало людей»²⁸⁵.

Вот почему Войшелк заставил Миндовга подтвердить и от его имени передачу Новогрудской земли, поэтому упоминание здесь Миндовга говорит не о том, что эта территория ему принадлежала, а про окончательное и принудительное отречение от власти над ней, в то время как Войшелк отдавал ее, как увидим, только на время.

То, что Войшелк без колебаний отдавал Новогрудскую землю галицко-волынским князьям, свидетельствует о его дальновидности. Он хорошо понимал, что Новогрудская земля является для галицко-волынских князей одним из самых лакомых кусков, владение которым открывает им дорогу к литовским и полоцким землям. Он также видел те внутренние и внешние противоречия, затронувшие Галицко-Волынскую землю, и поэтому предвидел ее неминуемое ослабление, в результате чего она не только не сможет удержать за собой Новогрудскую землю, но и сама станет объектом притязаний соседей. Вот почему Войшелк пошел на такую смелую политическую комбинацию, как передача Новогрудской земли галицкому князю. Помимо того, это обеспечивало его Новогрудчине на некоторое время мирную жизнь.

Стоит заметить и то, что Войшелк передал Новогрудскую землю не Шварну, а Роману. Шварн, женившийся на сестре Войшелка, имел бы в случае передачи ему Новогрудской земли законные права на нее. Другое дело – Роман. Неудачливый претендент на австрийскую корону, он мог удовлетвориться положением новогрудского князя и не предъявлять никаких претензий на Новогрудскую землю как наследное владение. Разжигание противоречий между сыновьями Даниила Галицкого в их претензиях на Новогрудскую землю, как мы увидим далее, станет постоянным элементом политики Войшелка и даже станет причиной его смерти.

Отдав Новогрудскую землю под надежную защиту галицко-волынских князей, Войшелк оставил ее. Куда он направился и с какой целью? Летопись говорит об этом так: «Воишелкъ ... приде в Холмъ к Данилу оставивъ княжение свое и восприемъ мнискии чинъ»²⁸⁶. Прикидываясь

богобоязненным монахом, Войшелк, однако, настойчиво создавал условия для достижения своих политических целей. Он видел еще одно препятствие объединению Новогрудской земли с соседней Литвой, а именно язычество населения последней. Кстати, отметим, что в Ипатьевской летописи под 1262 г. сказано, что Войшелк стал княжить в Новогрудке, будучи язычником, и поэтому отличался исключительной жестокостью. И только потом, приняв христианскую веру, стал другим человеком. Но это место – поздняя вставка в летопись. Густынская летопись под 1246 г. и другие записи Ипатьевской летописи красноречиво свидетельствуют, что Войшелк перешел в христианство до того, как начал княжить в Новогрудке. Свое пребывание в Галицкой земле Войшелк использовал для подготовки крещения Литвы, для чего были нужны значительные религиозные силы. Их, по-видимому, не хватало у самого Новогрудка, на чьих землях тогда не было еще ни одного монастыря. Поэтому Войшелк три года находился в Полонинском монастыре, где собирал монахов для основания монастыря в Новогрудской земле. Мало того, он отправился в Грецию, в Афонский монастырь, опять же, видимо, с целью привести монахов и оттуда. Но из-за военных преград на пути Войшелк вынужден был, дойдя до Болгарии, вернуться обратно. Он полностью вошел в доверие к галицко-волынским князьям. Высказывалось мнение, что Войшелк находился в Галицкой земле в качестве заложника, гарантируя тем самым безопасность Романа в Новогрудке. Возможность этого не исключена. Но как бы то ни было, галицкие князья поверили в его намерение целиком предаться монашеской жизни, свидетельством чему были монахи, которых он брал с собой, и отпустили его. Это была крупная дипломатическая победа Войшелка. Именно это и было ему нужно. Летопись не указывает точной даты возвращения Войшелка в Новогрудскую землю. Описание всей его жизни дано под 1262 г. Однако, принимая во внимание, что Войшелк оставил Новогрудок в 1254 г., пробыл в Полонинском монастыре три года, а путешествие продолжалось не меньше полугода, можно считать, что Войшелк вернулся домой не позже начала 1258 г. После возвращения он не раскрыл сразу своих политических планов. Он продолжал носить маску богобоязненного монаха и основал монастырь. То, что этот монастырь находился между Новогрудком и Литвой, свидетельствует о его основном предназначении – стать в дальнейшем центром крещения последней.

Основав монастырь и ради приличия поселившись в нём, Войшелк перешел к осуществлению главной цели – освобождению от галицко-волынкой зависимости. Но, чтобы это сделать, нужно было найти союзников. И Войшелк обратил внимание на Полоцк, где в это время княжил Товтивил.

Когда и как он появился в Полоцке? Одни считают, что Товтивил был зависим от Миндовга и благодаря ему стал княжить в Полоцке ²⁸⁷. Другие утверждают, что Товтивил распространил свою власть на Полоцк в тот момент, когда после прибытия в Ригу ему обещали помогать «божие дворяне, и бискуп и вся воя рижская» ²⁸⁸. Но ни одной из этих спорных гипотез нельзя доверять. Товтивил никогда не заключал мира с Миндовгом, никогда не зависел от него. И ни с его помощью, ни с помощью рижан не распространял своей власти на Полоцк. Вероятнее всего, Товтивил (как и Едивид) был князем в правобережной Литве, тесно связанной с Полоцкой землей. Вот почему он больше всего был недоволен властью Миндовга и сыграл в дальнейшем ведущую роль в победе над ним и изгнании его из Литвы. Неудивительно, что Миндовг, став новгородским князем, решил прежде всего с ним расправиться. Товтивил, как известно, в своей борьбе с Миндовгом вступил в союз с галицко-волынскими князьями. Но те, достигнув своей цели – разъединения Новогрудка и Литвы, утратили весь интерес к Товтивилу и даже не думали помочь ему укрепиться в Литве. В летописи как раз сказано, что Даниил на Товтивила «гнѣвъ имѣющю» ²⁸⁹. Поэтому понятно, что он, затаив гнев на своего бывшего союзника, был вынужден искать себе новых хозяев. И нашел их в лице полоцких феодалов. Они не могли не видеть, что Литва доживает последние дни своего политического существования. Только было неясно, кому достанется она. Правобережная Литва уже давно была в зависимости от Полоцка, и оттуда он черпал материальные средства и военную силу. Но открыто присоединить ее к себе Полоцк не решался. На Литву, кроме него, было еще несколько претендентов: Новогрудок, Вольты, Жемайтия. Поэтому ее захват мог вызвать большие сложности: пример Новогрудка был еще свежим. Оставалось ждать удобного момента. А пока что, укрепляя свои позиции в этом сложном соперничестве, Полоцк решил последовать примеру Новогрудка и приобрести законного наследника Литвы. В этом главная причина появления Товтивила на полоцком престоле. Немалую роль в избрании его полоцким князем сыграло и то, что Товтивил имел заметное влияние в Литве, что подтверждает и летопись: «Литовская земля в руку бѣ ихъ» ²⁹⁰. А полоцким феодалам особенно нужна была в это время немалая военная сила, и, взяв себе Товтивила, они рассчитывали на его влияние в Литве, в чем и не ошиблись. В походе 1258 г. на Смоленск участвовали объединенные силы Полоцка и Литвы. Избрание Товтивила полоцким князем подтверждает также, что он был из правобережной Литвы и имел тесные связи с Полоцком и, возможно, находился в родственных связях с его князьями.

Войшелк был уверен, что получит помощь от Товтивила, ибо тот был заинтересован в ослаблении Галицко-Волинской земли, чему способ-

ствовало освобождение из-под ее зависимости Новогрудка. Кроме этого, Войшелк знал, что он легко договорится с Товтивилом еще и потому, что тот сохранил гнев на галицко-волынских князей. Благодаря Товтивилу и с помощью вероломства Войшелк схватил Романа Даниловича (и, возможно, убил его), став таким образом полноправным хозяином Новогрудской земли. Произошло это в 1258 г., незадолго до похода Бурундая и Василька на Литву. Последний во время этого похода искал Романа по горячим следам.

Только теперь галицко-волынские князья увидели далекоидущие планы Войшелка и поняли, какую они сделали ошибку, отпустив его. Конечно, они не оставили действия Войшелка без наказания. Даниил Галицкий пошел на Новогрудскую землю, захватил Волковыск, напрасно искал своих врагов – Войшелка и Товтивила. Потом послал отряд на Зельву, а сына Льва – на Гродно. Однако галицко-волынские князья не имели сил, чтобы справиться с Войшелком и вернуть себе Новогрудскую землю. Все больше возрастала их зависимость от монголо-татар, которые в том же 1258 г. заставили их участвовать в походе на Литву, куда и пошел Василько. Интересно, что Бурундай, пойдя на Литву и разгромив ее, не тронул Новогрудскую землю. В этом также нельзя не заметить дипломатического успеха Войшелка, который, по-видимому, обратил внимание Бурундая на тот факт, что жители Новогрудка фактически сорвали поход Даниила Галицкого на Киев через Возвягель, направленный против татар ²⁹¹.

На это время приходится начало открытой враждебности между Войшелком и Миндовгом. Летопись отмечает, что после того, как Войшелк начал жить в основанном им монастыре, «отец же его Миндовг укари-вашеться ему по его житью, онъ же на отца своего не любовашеть вели-ми» ²⁹². В. Пашуто объяснял эту враждебность тем, что Войшелк принял христианство. Но, во-первых, Войшелк был христианином по крайней мере уже в 1246 г., а в летописи говорится об испорченных отношениях между ними после основания Войшелком монастыря, т.е. после 1258 г. Во-вторых, надо учитывать, что враждебность была взаимная. Очевидно, что её корни не в религиозных разногласиях. Её причиной было нарастание враждебности между Новогрудком и Литвой. Миндовг не мог не заметить, что монастырь, основанный Войшелком на границе с Литвой, предназначался для её крещения, что могло осуществиться только после её захвата.

С другой стороны, Войшелк как тонкий политик не мог не видеть непрочного положения Миндовга, хотя на первый взгляд казалось, что Миндовг добился своей цели – объединения всех балтско-литовских земель. Действительно, после победы Литвы у озера Дурбе в 1260 г. Жемайтя, обратившись к Миндовгу за помощью и соглашаясь при-

знать его власть над собой, поднялась на борьбу с Орденом. Отметим, что Миндовг всегда становился оружием тех, кто предлагал ему власть: сначала в 1246 г. он по воле жителей Новогрудка стал их князем, а в 1251 г., оказавшись в критическом положении, принял королевскую корону и вступил в союз с Орденом, использовавшим его для борьбы с Жемайтией. Вот и сейчас Миндовг не отказался от предложения жемайтского князя Тройната взять Жемайтию под свое управление. Он разрывает связь с Орденом, отрекается от христианства и снова переходит в язычество. Под его властью оказались все балтско-литовские земли. Именно этот момент имел ввиду летописец, сообщивший о Миндовге следующее: «...И нача княжити одинъ во всеи земль Литовьскои и нача гордѣти велми и вознесеся славою и гордостью великою и не творяше противу себе никого же»²⁹³. Эти слова постоянно приводятся исследователями в качестве свидетельства прочной государственной власти в державе Миндовга. Но история на этом не остановилась, и её дальнейший ход показал совсем обратное. Кстати, вспомним о выводах М. Любавского, что в литовских землях «обозначилось уже социальное раздѣленіе общества, появились и зародыши государственной власти, но все это было еще пока простымъ фактомъ, не приобрѣло твердаго, юридическаго характера и потому было шатко и измѣнчиво»²⁹⁴. Эти слова были красноречиво подтверждены дальнейшими событиями. Действительно, Миндовг стал жертвой политических интриг Тройната, нуждавшегося не столько во власти Миндовга, сколько в помощи Литвы в борьбе с Орденом. И когда эта борьба увенчалась победой под Дурбе, феодалы Жемайтии и Литвы сразу стали соперниками, внешним проявлением чего явилась взаимная враждебность Тройната и Миндовга.

Тройнат сделал всё, чтобы ослабить Миндовга. Так, он склонил последнего к походу зимой 1261–1262 гг. в Ливонию, обещая, что на помощь к нему придут русские, а ливы и латыши восстанут против немцев. Но ничего подобного не произошло, и Миндовг был вынужден вернуться из Ливонии ни с чем²⁹⁵. Предательство Тройната было очевидным, и Миндовгу пришлось выслушать упрёки даже от собственной жены, что он «зря слушает такую обезьяну, как Тройнат», продающую его, что он напрасно отрёкся от католичества и разорвал связь с Орденом. Миндовг нехотя признал, что поступил неразумно, но вернуться назад не может²⁹⁶.

Действительно, союз с Орденом и был главной силой, на которую опирался Миндовг, так как он не имел твёрдой внутренней опоры даже в своей Литве. Поэтому, порвав с Орденом, он увидел шаткость своего положения и помимо своей воли должен был, как он сам сказал, следовать указаниям Тройната и жемайтов²⁹⁷, не простивших ему союз с Орденом и не желавших мириться с его властью. В среде жемайт-

ских феодалов возник заговор с целью убийства Миндовга. На сторону Тройната перешёл и нальшанский князь Довмонт, у которого Миндовг отнял жену. Без союза с Нальшанами, размещёнными между Жемайтией и Литвой, Тройнат, понятно, не мог и мечтать про овладение Литвой. Нальшаны, как отмечено в немецкой хронике, были спорной территорией между Жемайтией и Литвой ²⁹⁸ (это свидетельство, кстати, может указывать на то, что Аукштайтис выступала под именем Жемайтии). Поэтому, сговорившись с нальшанским князем Довмонтом, Тройнат получил большое преимущество перед Миндовгом.

Миндовг, видевший всё это, решил в борьбе с жемайтскими и нальшанскими феодалами использовать тот же приём, что и в 1248 г. в борьбе с Товтивилом, Едивидом и Викинтом. Он послал многих из них, в т.ч. и Довмонта, воевать по другую сторону Днепра, к Брянску ²⁹⁹, собираясь расправиться со своими врагами. Но заговорщики перехитрили его. Довмонт с полдороги вернулся назад, догнал Миндовга и убил его вместе с двумя сыновьями. Смерть Миндовга означала крах идеи объединения всех балтско-литовских земель вокруг летописной Литвы.

Став князем «во всеи земль Литовьскои и в Жемоти» ³⁰⁰, Тройнат не мог чувствовать себя в безопасности, зная, что в Полоцке и Новогрудке сидят такие же, как и он, законные наследники Литвы. Поэтому он решил расправиться с Товтивилом и Войшелком по отдельности. Первого он пригласил к себе под предлогом делить «землю и добытокъ Миндовъговъ» ³⁰¹. План был прост: убить Товтивила, захватить полоцких бояр, приехавших с ним, и, пользуясь этим, навязать Полоцку свою волю и князя. Всем балтско-литовским землям, объединённым под властью одного князя, это было как раз под силу.

Товтивил поехал к Тройнату с таким же намерением: убить Тройната, завладеть его княжеским престолом и присоединить Литву к Полоцку. План это был, бесспорно, продиктован Товтивилу полоцкими феодалами. Ради этого они и взяли его к себе. Неудивительно, что Товтивила сопровождала целая свита полоцких бояр, чтобы держать его под своим контролем и помочь в осуществлении убийства Тройната. Но этому плану не суждено было сбыться: Тройнат опередил. Намерения Товтивила выдал полоцкий боярин Прокоп. Возможно, он принадлежал к партии полоцких бояр, выступавших за союз со Смоленском. Товтивил был убит, а полоцкие бояре захвачены. Была сделана попытка захватить и убить сына Товтивила, находившегося в Полоцке, но полочане помогли ему сбежать в Новгород. Это факт подтверждает мнение, что Товтивил в своё время не был поставлен в Полоцке Миндовгом, как утверждают некоторые историки, а был добровольно выбран полоцким вечем, которое считало его законным князем, поэтому полочане и не выдали его сына.

Полочанам, оказавшимся в сложном положении, пришлось пойти на временную уступку Тройнату и принять от него князя. Новгородская I летопись, единственный источник, сообщающий об этом, не называет имени ставленника Тройната в Полоцке. Высказывалось мнение, что этим князем был Гердень ³⁰², сын полоцкого князя Давида Ростиславича ³⁰³. Значит, Тройнат фактически посадил в Полоцке не литовского князя, а полоцкого князя из Нальшанской земли. Это может быть ещё одним свидетельством в пользу того, что полочане даже в тяжёлые моменты своей истории не брали себе князей других династий. Но категорически утверждать, что этим князем был Гердень, нельзя, так как в источнике об этом не сказано.

Смерть Товтивила вывела Полоцк из дальнейшей борьбы за литовское наследство. Теперь была очередь Войшелка. Но тот оказался слишком хитрым и дальновидным, чтобы просто так идти в руки Тройната. Узнав об убийстве Миндовга, «Воишелкъ убоявсья того же и бѣжа до Пиньска и ту живяшеть» ³⁰⁴. Эти слова летописи свидетельствуют, что Войшелк разгадал намерения Тройната. Но не один только страх и не он прежде всего гонит Войшелка в Пинск, что и показали будущие события. Перетянув на сторону Новогрудка жителей Пинска, давно уже ощущавших на себе тяжесть зависимости от галицко-волинских князей, Войшелк внимательно следил за событиями в Литве, не торопясь открыто вмешиваться в её дела. Он хорошо понимал, что феодалы Литвы не будут мириться с жемайтским господством, и, надо полагать, раздувал эти противоречия, что и дало свои результаты. Тройнат был убит конюхами – слугами Миндовга ³⁰⁵. Смерть Тройната означала крах планов жемайтских феодалов по объединению всех балтско-литовских земель вокруг Жемайтии.

Вряд ли можно согласиться с мнением, что события после смерти Миндовга «вновь подтвердили внутреннюю прочность Литовского государства» ³⁰⁶. Наоборот, события до и после смерти Миндовга подтвердили внутреннюю слабость Литвы. Главной причиной этой слабости был непреодолимый антагонизм между Литвой и Жемайтией. Именно в короткий период 1260–1263 гг. окончательно показала свою нежизнеспособность идея объединения балтско-литовских земель как вокруг Литвы, так и вокруг Жемайтии.

Войшелк был одним из тех людей, которые понимали, что бесполезно пытаться объединить балтские земли отдельно от славянских земель, и поэтому навсегда связал свою судьбу с Новогрудком. Между Жемайтией и Литвой не было и не могло быть прочных экономических связей. Кроме того, летописная Литва, окружённая со всех сторон славянскими землями и усеянная славянскими колониями, не могла быть притягательной для Жемайтии с её компактной территорией и однород-

ным языческим населением. У феодалов Литвы и Жемайтии не хватало сил, чтобы взять верх друг над другом. Всё это не подтверждает мнения, что Литва в результате установления в ней монархической власти Миндовга становилась сильнее. Наоборот, как мы видели, монархическая власть Миндовга вызвала обострение антагонизма между Литвой и Жемайтией. Для объединения этих и других балтско-литовских земель был необходим иной центр, которым и стал Новогрудок.

Из Новогрудка пришла та сила, начавшая объединять в единое целое Новогрудскую, Пинскую, Литовскую, Полоцкую земли. Войшелк, узнав, что Тройнат убит, а Литва и Жемайтия находятся в состоянии смятения и безвластия, решил, что настала пора действовать. Только этого он и ждал. Он начал реализовывать ту цель, которой не удалось достигнуть Миндовгу во время княжения в Новогрудке – полное и окончательное завоевание Литвы. В. Пашуто, ссылаясь на показания Новгородской I летописи, утверждал, что опорой Войшелка были «вои отца и приятели»³⁰⁷. Но галицко-волынский летописец, который, бесспорно, был лучше осведомлён о положении в соседних землях, свидетельствует о другом: «Воишелкъ поиде с Пиняны к Новгороду и оттолѣ поя со собою Новгородѣ и поиде в Литву княжить»³⁰⁸. Понятно, что ни в Пинске, ни в Новогрудке воинов Миндовга не было. Войшелк в завоевании Литвы опирался только на силы Новогрудка и союзного с ним Пинска. Показательно, что В. Пашуто в своей книге не привёл этого летописного свидетельства. То же самое мы видим и у современного исследователя Э. Гудавичюса, который, делая монтаж из летописных сведений 1263-1265 гг., не включил в него вышеупомянутого сообщения³⁰⁹. В данном случае важно уже не то, что показывается, а то, о чём умалчивается. Умалчивается же о главном: Войшелк завоевал Литву и другие балтские земли из Новогрудка силами пинян и новогрудчан. Таким образом, то, что было слегка завуалировано в отношении завоевания Миндовгом Литвы из Новогрудка, тут, в отношении к Войшелку, уже говорится открытым текстом. Как свидетельствует далее летопись, «Литва же вся прияша и с радостью своего господичича»³¹⁰, т.е. встретила Войшелка как выразителя своих интересов и законного хозяина. На это и рассчитывали новогрудские феодалы, взявшие Войшелка своим князем. Но, видно, с приязнью отнеслись к Войшелку только в «Литве Миндовга», в то время как остальная Литва оказала сопротивление Войшелку. В летописи под 1264 г. читаем: «Воишелкъ же нача княжити во всеи земли Литовьской и поча вороги своѣ избивати, изби ихъ бещисленое множество, а друзии розбѣгошася камо кто видя»³¹¹. Характерно, что это место опустил Э. Гудавичюс, а Пашуто отнёс его к завоеванию Войшелком земель Нальшанской и Делтувы. Всё это свидетельствует о том, что Войшелку сопротивлялись литовские феодалы, что они были основны-

ми противниками образования Великого княжества Литовского и что Войшелк, будучи проводником политики феодалов Новогрудка, сурово расправился с литовскими феодалами, большинство которых было уничтожено, а часть разбежалась.

Но сил Новогрудка и Пинска хватило Войшелку только для завоевания Литвы. Видя это, он снова вступил в союз с галицко-волынскими князьями. Возможно, он берёт собственные силы и хотел чужими руками жар загребать. Войшелку нелегко было снова войти в доверие к галицко-волынским князьям, и он сыграл на их слабой струнке – на их стремлении владеть Новогрудской землёй и Литвой. Войшелк признал их верховную власть над собой: «Нарекль бо бяшетъ Василка отца собѣ и господина»³¹². Галицко-волынские князья после этого согласились помочь Войшелку в завоевании остальных балтско-литовских земель. Нечего говорить, что они поступали недальновидно, тратя свои силы на завоевание того, что им не могло принадлежать. Галицко-волынская земля и без того была ослаблена зависимостью от татар, после смерти Даниила Галицкого уже наметился её распад. Вот почему Войшелк так легко согласился на кажущееся подчинение её князьям.

Получив помощь от Шварна и Василька, Войшелк не менее сурово расправился с феодалами Делтувы и Нальшан и, присоединив эти области к своим владениям, вернулся «восвояси»³¹³, т.е. в Новогрудок. Таким образом, образование Великого княжества Литовского сопровождалось почти поголовным истреблением феодалов балтско-литовских земель. Всё это ещё раз опровергает утверждение, что образование этого государства определялось интересами балтско-литовских феодалов.

Нельзя согласиться и с тем, что «Войшелк не посягал на язычество в Литве»³¹⁴. Следующей целью после завоевания Литвы Войшелк считал её крещение. Для этого им был основан Лавришевский монастырь. Но, видимо, возможностей этого последнего для крещения Литвы было недостаточно. Поэтому Войшелк в 1265 г. связался с псковским князем, и тот пообещал прислать ему священников из Пскова, лучше иных знакомых с языком и обычаями Литвы³¹⁵. Войшелк, конечно, не получил их, так как в 1266 г. псковским князем стал Довмонт, бывший нальшанский князь, который бежал в Псков, спасаясь от Войшелка. Вот почему крещение Литвы или, возможно, некоторой её части, затянулось до 1405 г., если верить Т. Нарбуту, сведения которого не всегда отличаются правдивостью.

Захват Новогрудком Литвы, Нальшан и Делтувы был одновременно и ударом по Полоцку, который наряду с утратой Нижнего Подвинья утратил свою опору и в этих землях. Чтобы дальше использовать материальные ресурсы и военную силу литовско-балтских земель, Полоцк должен был признать власть Новогрудка. В этом и заключался страте-

гический план Войшелка. Подчинение Полоцка Новогрудку произошло, видимо, в 1265 г. Грамота полоцкого князя Герденя, написанная 22 декабря 1264 г.³¹⁶, не подтверждает зависимость Полоцка и Витебска от Войшелка. Зато грамота полоцкого князя Изяслава, написанная немного позже, уже свидетельствует об этом³¹⁷.

Летописные источники ничего не говорят о том, завоевал ли Войшелк Жемайтию. Возможно, чтобы осуществить эту цель, снова используя содействие галицко-волынских князей, он отдал своё княжество Шварну, а сам снова отправился в Галицкую землю. Интересно отметить, что в 1254 г. Войшелк не пожелал отдать княжество ему, очевидно, опасаясь, что, будучи женат на его сестре, тот будет иметь законные права на его владения. Теперь же он не боялся этого, так как Шварн не имел детей, т.е. в случае его смерти княжество не переходило по наследству его потомкам. Акт передачи вызвал недовольство брата Шварна – галицкого князя Льва Даниловича, желавшего самому править Новогрудской и Литовской землями, соединёнными теперь в единое целое. Вот поэтому данный князь и убил Войшелка, «завистью оже бяшетъ даль землю Литовскую брату его Шварнови»³¹⁸. Однако, согласно другим источникам, возможно, более точным, Шварн умер раньше Войшелка, и последний снова вернулся в своё княжество. Далее он приехал на переговоры с Львом Даниловичем, считавшим Литовское княжество своим наследством после смерти своего брата Шварна. Войшелк не согласился с претензиями Льва и за это был убит³¹⁹. Но запоздалая месть Льва не принесла ему никакой пользы. Великим князем литовским стал Тройдень, продолживший политику Войшелка. Однако дальнейшее рассмотрение истории Великого княжества Литовского не входит в задачу данного исследования.

Заключение

Объединение Войшелком Новогрудской, Пинской, Литовской, Нальшанской, Делтувской и Полоцко-Витебской земель в единое государство было фактически прочным началом создания Великого княжества Литовского. В этом и заключается важнейшая историческая заслуга Войшелка. Но если присоединение балтских земель Литвы, Нальшан и Делтувы к Новогрудку было насильственным, то присоединение Пинска, Полоцка и Витебска происходило добровольно. Точно так же позже к Великому княжеству Литовскому присоединились и другие белорусские области. Такое объединение было результатом исторического процесса экономического, политического и культурного сближения белорусских земель в бассейнах рек Двины, Днепра, Немана, на основе чего происходило формирование территории Беларуси. Решающую

объединяющую роль в создании и начальной истории Великого княжества Литовского прежде всего играл Новогрудок. Недаром же и герб этого города – конник с мечом в руке – стал государственным гербом Великого княжества Литовского ³²⁰. На важное значение Новогрудка в образовании Великого княжества Литовского и в расширении территории этого государства указал и Н. Н. Улащик ³²¹. И хотя позже, в начале XIV в., Новогрудок утратил своё центральное значение, но память о его столичной роли жила ещё долго. Вот почему в летописях XVI в. всё ещё говорится о «Новгородские державы, над Немном лежащие» ³²², простиравшейся «от Вилны аж до жродел Неменовых, где ся за Копылем в пяти милях починает» ³²³.

Эта «Новогрудская держава» сложилась ускоренными темпами и из-за внешних политических причин – угрозы со стороны крестоносцев и татар. Ф. Энгельс отметил, что украинские и белорусские земли «нашли себе защиту от азиатского нашествия, присоединившись к так называемому Литовскому княжеству» ³²⁴. Как видим, Ф. Энгельс это государство считал литовским только по названию, что и отвечает действительности. Собственно литовские (в современном значении этого слова) земли в этой стране занимали только десятую часть её территории, и поэтому они, понятно, не могли иметь доминирующего значения. Обычно в старой историографии факт распространения в Великом княжестве Литовском славянского языка и культуры объяснялся тем, что литовские князья завоевали обширные славянские территории и поэтому, чтобы управлять ими, пришлось принять славянский язык и культуру в качестве доминирующих. Как мы видели, никакого литовского завоевания даже в самом начале истории Великого княжества Литовского не было. Ф. Энгельс отринул такое явно волюнтаристское объяснение образования Великого княжества Литовского, отметив, что в этом государстве «во владении самих литовцев» были только «северные земли Прибалтики» ³²⁵, т.е. собственно литовские земли, а не все земли страны. К. Маркс также рассматривал Великое княжество Литовское как славянскую «русскую» державу. Он писал в труде «Стенька Разин»: «русь тогда была разделена на два государства: Москву и Литву» ³²⁶. Славянский характер Великого княжества Литовского был уже предопределён, как мы видели, при образовании этого государства в середине XIII в. Суммируя всё сказанное в этой книге, мы приходим к следующим выводам. Ни один исторический источник не подтверждает литовского завоевания Чёрной Руси и других белорусских земель, что якобы положило начало образованию Великого княжества Литовского. Такое утверждение возникло в середине XVI в., чтобы идеологически обосновать права Великого княжества Литовского на белорусские земли, значительная часть которых тогда была временно оккупирована во-

йсками Ивана Грозного. Эта версия через «Хронику» М. Стрыйковского перешла во многие книги по истории, позже была некритически принята многими исследователями и, став традиционной, долгое время не пересматривалась.

Значительной преградой на пути объективного освещения процесса образования Великого княжества Литовского является отождествление летописной Литвы с восточной частью современной Литвы. Однако исторические свидетельства и топонимика показывают, что под собственно Литвой в XI-XIII в. понималась территория Верхнего Понёманья, находившаяся между Полоцкой, Турово-Пинской и Новогрудской землями и вместе с ними являвшаяся одной из исторических областей Беларуси. Именно она и была присоединена к Новогрудку сначала в 50-е годы XIII в. литовским перебежчиком Миндовгом, а позже в 60-е годы XIII в. – окончательно его сыном Войшелком. Это было первым звеном в распространении власти Новогрудка, достигшего к тому времени высокого уровня экономического, политического и культурного развития, на другие белорусские и балтско-литовские земли. Только этим и можно объяснить, почему Новогрудок стал первой столицей Великого княжества Литовского. Отсюда, из белорусского Понёманья, где размещалась летописная Литва, и произошло название нового государства как Литовского.

То, что образование Великого княжества Литовского сопровождалось завоеванием балтско-литовских земель (Литвы, Нальшан, Делтувы), истреблением и изгнанием их феодалов, опровергает распространённое в науке утверждение, что возникновение этой страны диктовалось интересами литовских феодалов. Поскольку создание Великого княжества Литовского было прежде всего результатом экономического, политического и культурно-этнического сближения и объединения белорусских земель, то этот исторический процесс был в интересах белорусских феодалов, что и характеризует эту страну как преимущественно белорусскую. Поэтому становится понятным, почему в Великом княжестве Литовском господствующее место заняла белорусская культура, а государственным языком стал белорусский.

1966–1968, 1987 гг., г. Молодечно

Со светильником истины (послесловие научного редактора)

Событие очень радостное и не совсем обычное: почти сразу после выхода в свет переиздаётся книга Николая Ермоловича «По следам одного мифа». Она была издана в 1989 г. немалым для научного исследования тиражом, но мгновенно исчезла с полок книжных магазинов, превратившись в библиографическую редкость.

Книга эта перед встречей с читателем прошла через более чем 20 лет мытарств. Фрагменты её первого варианта были в своё время напечатаны в одном из редких академических изданий по археологии и сразу встретили отпор со стороны консервативных белорусских историков, предложивших даже обратиться в ЦК КПБ с официальной просьбой запретить Н. Ермоловичу печатать свои произведения. Несмотря на это, Н. Ермолович, живший в Молодечно, более двух десятилетий ежедневно ездил в Минск, приходил в белорусское отделение Государственной библиотеки БССР и работал над своей книгой. Ему никто не оплачивал эту работу, никто не определял для него пятилетних планов, не приказывал, как писать. Ему только мешали.*

Но высший судья – время – уже сказал своё слово. Сегодня писатель и историк Н. Ермолович хорошо знаком широкому кругу читателей Беларуси и за её пределами своими глубокими исследованиями и нетрадиционными взглядами на нашу историю. В 1988 и 1989 гг. журнал «Маладосць» печатает его работу «Древняя Беларусь». Самостоятельность мышления автора, критическое отношение к представителям официальной исторической науки, оригинальные выводы, подкреплённые системой доказательств, сравнение фактов из различных летописей и иностранных хроник позволили Н. Ермоловичу предложить читателям и профессиональным историкам свою концепцию далёкого прошлого Беларуси. Мужество Н. Ермоловича как историка в том, что он возложил на себя очень сложную задачу – опровергнуть миф, прочно вошедший в официальную историческую науку, который подкрепляется не только позициями дипломированных историков с научными степенями, но и учреждениями, в которых они работают, а также более высокими инстанциями. Тем самым Н. Ермолович в некоторой степени повторил путь таких учёных, как В. Пичета и Н. Улащик, но, к счастью, не испытал такой, как они, трагической судьбы. Однако и Николаю Ивановичу потребовалось немалое гражданское мужество. Невзирая на слабое здоровье (он почти полностью утратил зрение), Н. Ермолович в борьбе за истину в истории Беларуси проявил настоящий богатырский дух, был последовательным и бескомпромиссным. Он не испугался угроз и со стороны соответствующих органов, которые не раз требовали от него прекратить «свою писанину». «Жаль, что я тебя тогда не знал», – сказал ему один из сотрудников этих органов, жалея, что сейчас не 1937-й год.

Большинство белорусских советских историков, исходя из установок своих партийных и идеологических руководителей, фактически слу-

* А. Грицкевич неудачно выразился. Этот текст можно понять так, что советская власть могла бы помочь Н. Ермоловичу, составляя для него пятилетние планы и руководя написанием данной книги, что, разумеется, неверно. – прим. перев.

жили не исторической истине, а высокому начальству, создавая нужные ему мифы и стереотипы, довольно прочно сохраняющиеся до сих пор. На протяжении десятилетий слуги Клио, работавшие в государственных учреждениях, исполняя пятилетние планы выдачи научной продукции, отстаивали миф о завоевании белорусских земель литовцами в XIII в. Этот миф понадобился их высокопоставленным заказчикам в конце 1930-х годов, чтобы доказать извечную вражду литовцев к Руси, а значит, и Беларуси, так как в то время существовала независимая Литовская республика, страна буржуазная, а значит вражеская. Отбросив достижения белорусских советских историков 1920-х – начала 1930-х годов, их преемники придерживались порочного, а точнее, преступного принципа: «история – это политика, опрокинутая в прошлое».

Н. Ермолович весьма аргументированно опровергает гипотезу о завоевании в XIII в. белорусских земель литовцами. Исходя из многочисленных материалов, взятых из летописей и хроник, из исторической литературы, исследователь предложил читателю свою оригинальную концепцию, которая, несомненно, имеет право на существование и подтверждается не только историческими, но и этнографическими материалами. Концепция Н. Ермоловича полностью соответствует выводам археологов о том, что до VIII–IX вв. на современной территории Беларуси обитали балтские племена. Их остатки постепенно ассимилировались белорусским населением вплоть до XVI в. включительно (в районе Вильнюса и современного литовско-белорусского пограничья). Польский историк Е. Охманьский еще ранее обратил на это внимание. Он отметил, что островки литовского населения в белорусских землях в конце XIV в., во время крещения язычников-литовцев, перешли в католичество.

Миф о литовском завоевании территории Беларуси создан в XVI в. и впервые появился в литературно-публицистическом произведении «Сказание о князьях владимирских». Рождение этого мифа связано с тогдашним стремлением великих московских князей доказать свои права на земли Беларуси и Украины. Поэтому в «Сказании» великие литовские князья Витень и Гедимин выступают как захватчики этих земель, которые обязаны вернуть законному хозяину – великому московскому князю. Н. Ермолович отмечает, что, с другой стороны, в созданных в XVI в. белорусско-литовских летописях и «Хронике» М. Стрыйковского доказывалось, что опустошённые татарами белорусские земли были завоёваны жемайтскими князьями. Таким образом, заявлялось, что права на эти земли принадлежат литовцам. Кстати, как показали недавно исследования историков и археологов, никакого татарского опустошения белорусских земель во времена Батыя вообще не было. Это тоже миф.

В конце своей книги Н. Ермолович подчёркивает: большое препятствие для объективного освещения начального периода истории

Великого княжества Литовского – отождествление летописной Литвы с восточной частью современной Литовской республики. Автор правильно подчёркивает, что образование Великого княжества Литовского со столицей в Новогрудке отвечало интересам прежде всего белорусских феодалов. Неслучайно и то, что в Великом княжестве Литовском господствующее положение заняла белорусская культура, а белорусский язык стал государственным. Нужно лишь дополнить, что белорусские историки 1920-х – первой половины 1930-х годов более точно называли эту страну белорусско-литовской.

Концепция Н. Ермоловича перспективна. Она даёт историкам возможность разрабатывать эту тему далее, освещая события нашего далёкого прошлого светильником исторической истины, свет которого должен победить ещё немало мифов.

25 апреля 1990 г.

Анатолий Грицкевич

Источники и литература

¹ Антонович В. Б. Очерки истории Великого княжества Литовского. Киев, 1878. С. 25; Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства. М., 1915. С. 14; Советская историческая энциклопедия. Т. 3. С. 246; Гісторыя Беларускай ССР. Мн., 1972. Т. 1. С. 125–126; История Литовской ССР. Вильнюс, 1978. С. 34.

² Дашкевич Н. П. Литовско-Русское государство // Университет. изв. Киев, 1882. № 8. С. 325.

³ Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966. С. 288.

⁴ Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 341.

⁵ Там же. С. 8.

⁶ Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 179.

⁷ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М., 1975. Т. 32. С. 17–19, 130.

⁸ ПСРЛ. Спб., 1908. Т. 2. Стб. 526–527.

⁹ ПСРЛ. Т. 32. С. 20, 21, 23, 130.

¹⁰ Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmudska i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. Т. 1. S. 242.

¹¹ Дашкевич Н. П. Княжение Даниила Галицкого, Киев, 1873. С. 175.

¹² Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ // Чтения в имп. О-ве истории и древностей российских. М., 1887. Кн. 1. С. 138.

- ¹³ Соловьев С. М. История России. М., 1963. Т. 3. С. 151.
- ¹⁴ История БССР. Мн., 1961. Т. 1. С. 64–65.
- ¹⁵ Абецдарскі Л. С. и др. Гісторыя БССР. Мн., 1985. С. 32
- ¹⁶ Греков В. Д. Киевская Русь. М., 1949. С. 499–500.
- ¹⁷ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1939. Т. 2. Вып. 1. С. 5.
- ¹⁸ Алексеев Л. В. Указ. соч. С. 290.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Насонов А. Н. Русская земля и образование Древнерусского государства. М., 1951. С. 149.
- ²³ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 362.
- ²⁴ Алексеев Л. В. Указ. соч. С. 256–257.
- ²⁵ Там же. С. 290.
- ²⁶ Там же. С. 253.
- ²⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 620.
- ²⁸ Алексеев Л. В. Указ. соч. С. 280.
- ²⁹ Там же. С. 282.
- ³⁰ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 403–404.
- ³¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 690–694.
- ³² Алексеев Л. В. Указ. соч. С. 153.
- ³³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 692.
- ³⁴ Белоруссия в эпоху феодализма. Мн., 1959. Т. 1. С. 75.
- ³⁵ ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2. С. 302.
- ³⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 752–753.
- ³⁷ Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 42.
- ³⁸ Дмитриев М. Несколько слов исторического обозрения Новогрудка// Вестн. имп. Рус. географ. о-ва. СПб, 1858. Т. 24. С. 230.
- ³⁹ Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 42.
- ⁴⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 731–732.
- ⁴¹ Новгородская IV летопись. Пг., 1915. Вып. 1. С. 116.
- ⁴² Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 2. С. 79.
- ⁴³ Там же. С. 243, 284.
- ⁴⁴ Słownik geograficzny. Warszawa, 1884. Т. 7. S. 255.
- ⁴⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 141.

- ⁴⁶ Барсов Н. Очерк русской исторической географии. Варшава, 1873. С. 41.
- ⁴⁷ Гуревич Ф. Д. Древние города Белорусского Понеманья. Мн., 1982. С. 6.
- ⁴⁸ Гурэвіч Ф. Д. Заснаванне Навагрудка // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. 1985. № 3. С. 73.
- ⁴⁹ Татищев В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 133–134.
- ⁵⁰ Археологические открытия 1965 г. М., 1966. С. 165–168.
- ⁵¹ Татищев В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 142.
- ⁵² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 753.
- ⁵³ Там же. Стб. 776.
- ⁵⁴ Там же. Стб. 819.
- ⁵⁵ Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. М., 1962. С. 60.*
- ⁵⁶ Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. Л., 1981. С. 138–139.
- ⁵⁷ Там же. С. 157.
- ⁵⁸ Там же. С. 148–157.
- ⁵⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 776.
- ⁶⁰ Там же. Стб. 292, 631.
- ⁶¹ Там же. Стб. 847.
- ⁶² Там же. Стб. 831.
- ⁶³ Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. С. 133.
- ⁶⁴ Там же. С. 133.
- ⁶⁵ Зверуго Я. Г. Древний Волковыск. Мн., 1981.
- ⁶⁶ Археологические открытия 1968 г. М., 1969. С. 350–351.
- ⁶⁷ Археологические открытия 1970 г. М., 1971. С. 308.
- ⁶⁸ Воронин Н. Н. Древнее Гродно. М., 1953; Трусов О. А. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI–XVII вв. Мн., 1988. С. 26.
- ⁶⁹ Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. С. 140.
- ⁷⁰ Там же. С. 141–144.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же. С. 111.
- ⁷³ Там же. С. 136.
- ⁷⁴ Археологические открытия 1965 г. М., 1966. С. 168.
- ⁷⁵ Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 362.

* На самом деле С. 79-83 и С. 132-134. – прим. перев.

- ⁷⁶ Кочубинский А. А. Территория доисторической Литвы// Журн. М-ва народного просвещения. СПб, 1897. № 1. С. 65.
- ⁷⁷ Гринблат М. Я. Белорусы. Мн., 1969. С. 71, 161, 165; Пашуто В.Т. Указ. соч. С. 353, 381.
- ⁷⁸ Советская историческая энциклопедия. Т. 8. С. 738.
- ⁷⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 496.
- ⁸⁰ Там же. Стб. 519.
- ⁸¹ Насонов А. Н. Указ. соч. С. 153.
- ⁸² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 859.
- ⁸³ Батюшков П. Белоруссия и Литва. СПб, 1890. С. 60.
- ⁸⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 672.
- ⁸⁵ Там же. Стб. 797–798.
- ⁸⁶ Там же. Стб. 798.
- ⁸⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 855.
- ⁸⁸ Там же. Стб. 856.
- ⁸⁹ Ревизия пущ. Вильно, 1867. С. 14.
- ⁹⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 818–819.
- ⁹¹ Жучкевич В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Мн., 1971. С. 413.
- ⁹² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 819.
- ⁹³ Там же. Стб. 828–829.
- ⁹⁴ Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. С. 3.
- ⁹⁵ Narbutt T. Dzieje starożytne narodu Litewskiego. Wilno, 1843. Т. 6. S. 87.
- ⁹⁶ Кочубинский А. А. Указ. соч. С. 93.
- ⁹⁷ Седов В. В. Дреговичи//Сов. археология. 1963. № 3. С. 116.
- ⁹⁸ Strykowski M. O początkach. Warszawa, 1978. S. 95.
- ⁹⁹ Гошкевич И. И. Виленская губерния. Вильно, 1905.
- ¹⁰⁰ Дмитриева Р. Т. Указ. соч. С. 138.
- ¹⁰¹ Алексеев Л. В. Указ. соч. С. 75.
- ¹⁰² Słownik geograficzny. Warszawa, 1884. Т. 5. S. 741.
- ¹⁰³ Ермаловіч М. І. Яшчэ раз аб месцазнаходжанні Старажытнай Літвы і пачатковай гісторыі Навагрудка // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук, 1988. № 4. С. 68–75.
- ¹⁰⁴ Пашуто В. Т. Указ. соч. Карта.
- ¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 818.
- ¹⁰⁶ Там же. Стб. 776.

- ¹⁰⁷ Гудавичус Э. Литва Миндовга. Вильнюс, 1985. С. 119–126.
- ¹⁰⁸ Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 42.
- ¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 859–860.
- ¹¹⁰ Устное сообщение археолога М. А. Ткачёва.
- ¹¹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 847.
- ¹¹² Batura R. Lietuwa tautu kowoje Ayksa Orda. Vilnius, 1975. P.133.
- ¹¹³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 818.
- ¹¹⁴ Livländische Reimchronik. Padeborn, 1876. V. 3319, 3325.
- ¹¹⁵ Гурэвіч Ф. Д. Заснаванне Навагрудка. С. 73.
- ¹¹⁶ Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. С. 114.
- ¹¹⁷ Штыхов Г. В. Археологическая карта Белоруссии. Мн., 1971. С. 13, 146, 147, 150–152, 172–174, 184, 190–193, 197.
- ¹¹⁸ Голубинские. История русской церкви. СПб, 1901. С. 177.
- ¹¹⁹ Ochmański J. Litewska granica etniczna na wschodzie. Wrocław, 1981. S. 47–53.
- ¹²⁰ Повесть временных лет. М., 1950. Т. 1. С. 13.
- ¹²¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 5.
- ¹²² Волкайте-Куликаускене Р. К. Образование литовской народности //Сов. этнография. 1979. № 3. С. 43.
- ¹²³ Annules Quedlinburgenes: Monumenta Germaniae Historica. Hannoverae, 1858. V. 3. S. 80.
- ¹²⁴ Волкайте-Куликаускене Р. К. О северной границе ятвягов// Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1985. С. 49–51.
- ¹²⁵ Живописная Россия. СПб, 1882. Т. 3. С. 195.
- ¹²⁶ Алексеев Л. В. Указ. соч. С. 75.
- ¹²⁷ Кузавинис К. Происхождение названия «Литва» // Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Л., 1965. С. 74–75.
- ¹²⁸ Гудавичус Э. С. Попытка локализовать владения литовских князей XIII в. //Труды АН ЛитССР. Сер. А. 1984. № 3. С. 70–79.
- ¹²⁹ Batura R. Lietuwa tautu... P. 133.
- ¹³⁰ Там же.
- ¹³¹ Lietuviškoji tarybinė enciklopedija. Wilnius, 1976. Т. 1. P. 463.
- ¹³² Там же.
- ¹³³ Batura R. Lietuwa tautu... P. 133.
- ¹³⁴ Там же.
- ¹³⁵ История Ливонии. Рига, 1885. Т. 2. С. 6.

- ¹³⁶ Волкайте-Куликаускаене Р. К. Образование литовской народности. С. 45.
- ¹³⁷ Гошкевич И. И. Виленская губерния.
- ¹³⁸ ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 248.
- ¹³⁹ Русская старина. СПб, 1901. № 2. С. 395.
- ¹⁴⁰ Надеждин Н. И. Северо-Западный край империи // Журн. М-ва внутренних дел. 1843. № 2. С. 219.
- ¹⁴¹ Непокупный А. Балтські родичі слов'ян. Київ, 1979. С. 63.
- ¹⁴² Брянцев П. История Литовского государства. Вильно, 1889. С. 2.
- ¹⁴³ ПСРЛ. Т. 32. С. 78.
- ¹⁴⁴ Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры. Мн., 1959. С. 376–379.
- ¹⁴⁵ Дзень паэзіі. Мн., 1965. С. 194.
- ¹⁴⁶ Дунін-Марцінкевіч В. Збор твораў. Мн., 1958. С. 362.
- ¹⁴⁷ Колас Я. Збор твораў. Мн., 1963. Т. 9. С. 42–43.
- ¹⁴⁸ Юхо Я. Пра назву «Беларусь»//Полымя. 1968. № 1. С. 175–182.
- ¹⁴⁹ Беляев И. История Полотска. СПб, 1872. С. 59.
- ¹⁵⁰ Гудавичус Э. С. Попытка локализовать владения литовских князей XIII в. С. 79.
- ¹⁵¹ БелСЭ. Мн., 1970. Т. 2. С. 463.
- ¹⁵² Ермолович Н. И. Где была летописная Литва // Тез. к конференции по археологии Белоруссии. Мн., 1969. С. 235.
- ¹⁵³ Археологический сборник документов истории Северо-Западной Руси. Вильно, 1904. Т. 14. С. 78, 82, 94.
- ¹⁵⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 736.
- ¹⁵⁵ Забелин И. История русской жизни. СПб, 1864. Ч. 1. С. 599.
- ¹⁵⁶ Морошкин М. Славянский имянослов. СПб, 1867. С. 35.
- ¹⁵⁷ Забелин И. Указ. соч. С. 608.
- ¹⁵⁸ Морошкин М. Указ. соч. С. 39, 40, 48, 99, 152, 178, 199, 200.
- ¹⁵⁹ Вольтер Э. Где искать Нальшенайскую землю? // Журн. М-ва народного просвещения. 1900. № 5. С. 205.
- ¹⁶⁰ Живописная Россия. Т. 3. С. 76.
- ¹⁶¹ Пашуто В. Т. Указ. соч. Карта.
- ¹⁶² Ермолович Н. О местонахождении Древней Литвы // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1985. С. 70–71.
- ¹⁶³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 863.*

* На самом деле ПСРЛ. Т. 2. Стб. 736. – прим. перев.

- 164 Хроника Быховца. М., 1967. С. 35.
- 165 История Ливонии. Рига, 1885. Т. 2. С. 225.
- 166 Виленская губерния. Вильна, 1905.
- 167 Ochmański J. Historia Litwy. Wrocław, 1980. S. 56.
- 168 Жемайте А. Избр. соч. Вильнюс, 1952. С. 43.
- 169 Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 339.
- 170 Там же. С. 367.
- 171 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 526–527.
- 172 Там же. Стб. 620.
- 173 Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М., 1938. С.81.
- 174 Данилевич В. Очерк истории Полоцкой земли. Киев, 1896. С. 130.
- 175 Гісторыя Беларускай ССР. Т. 1. С. 124.
- 176 Голубовский П. История Смоленской земли. Киев, 1896. С. 176, 183.
- 177 ПСРЛ. Т. 1. С. 492.
- 178 Там же. С. 447–448.
- 179 Там же. С. 510.
- 180 Новгородская I летопись. С. 64, 269.
- 181 Соболевский А. Где была Литва?//Изв. имп. АН. VI сер. 1911. №5. С. 1051–1054.
- 182 Псковские летописи. М., 1950. Вып. 2. С. 77.
- 183 Беляев И. Очерк истории Северо-Западной Руси. СПб, 1867. С. 49.
- 184 Гісторыя Беларускай ССР. Т. 1. С. 124–125.
- 185 Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 51.
- 186 Там же. С. 181.
- 187 Там же. С. 381.
- 188 Новгородская I летопись. С. 83.
- 189 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 798.
- 190 Кочубинский А. Указ. соч. С. 66.
- 191 Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 191.
- 192 Там же. С. 105–108.
- 193 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 301.
- 194 Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли. Мн., 1978. С. 83–92
- 195 Мавродин В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 92.
- 196 Алексеев Л. В. Указ. соч. С. 263.

- 197 Новгородская I летопись. С. 574.
- 198 Без-Корнилович М. О. Исторические сведения о примечательных местах Белоруссии. СПб, 1855. С. 10–11.
- 199 Живописная Россия. Т. 3. С. 293.
- 200 ПСРЛ. Т. 7. Стб. 573.*
- 201 Dusburg P. Geschicht Pruss. В. 6. S. 301–304.
- 202 Шафарик П. Славянские древности. М., 1846. Т. 2. Кн. 1. С. 174.
- 203 Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 73–74.
- 204 Там же. С. 76.
- 205 Голубович В., Голубович Е. Кривой Город – Вильно // Кр. сообщ. Ин-та истории материальной культуры. 1945. Вып. 11. С. 123.
- 206 Юргевич В. Опыт объяснения имен литовских князей// Чтения в имп. О-ве истории и древностей российских. М., 1883. Кн. 3. С. 28.
- 207 Живописная Россия. Т. 3. С. 291.
- 208 Голубович В., Голубович Е. Указ. соч. С. 123.
- 209 Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 266.
- 210 Голубович В., Голубович Е. Указ. соч. С. 123.
- 211 ПСРЛ. Т. 32. С. 40.
- 212 Кочубинский А. А. Указ. соч. С. 66.
- 213 Корева А. Виленская губерния. Вильно, 1861. С. 288.
- 214 Кочубинский А. Указ. соч. С. 66.
- 215 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 146.
- 216 Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 376.
- 217 Там же. С. 387.
- 218 Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. С. 137.
- 219 Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 322.
- 220 Там же. С. 352.
- 221 Там же. С. 7.
- 222 История БССР. Т. 1. С. 66.
- 223 Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 6.
- 224 ПСРЛ. Т. 32. С. 132.
- 225 Живописная Россия. Т. 3. С. 372.
- 226 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 871–872.
- 227 Там же. Стб. 872.

* *Неизв. издание, то же 1856 г., Т.7, с.165. – прим. перев.*

- 228 ПСРЛ. Т. 32. С. 25.
- 229 Там же. С. 131.
- 230 Живописная Россия. Т. 3. С. 362.
- 231 Гісторыя Беларускай ССР. Т. 1. С. 121.
- 232 Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 375, 381.
- 233 Новгородская I летопись. С. 82.
- 234 Греков Б., Якубовский А. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 83, 86.
- 235 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 872.
- 236 Там же. Стб. 876.
- 237 Там же. Стб. 876.
- 238 Гошкевич И. И. Виленская губерния. С. 114.
- 239 Хроника Ливонии. С. 102.
- 240 БСЭ. М., 1975. Т. 21. С. 195.
- 241 ПСРЛ. Т. 35. С. 128, 145, 173, 193, 204.
- 242 Ботвинник М. Б. Лаврентий Зизаний. Мн., 1973. С. 97.
- 243 Мальдзіс А. І. На скрыжаванні славянскіх традыцый. Мн., 1980. С. 224.
- 244 Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 137–138.
- 245 Livländische Reimchronik. Padeborn, 1876. V. 8104–8125.
- 246 Новгородская I летопись. С. 85.
- 247 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 735–736.
- 248 Там же. Стб. 776.
- 249 Там же. Стб. 801.
- 250 Livländische Reimchronik. V. 2450–2542.
- 251 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 815.
- 252 Энцикл. слов. / Брокгауз и Ефрон. 1902. Т. 26а. С. 201.
- 253 ПСРЛ. Т. 1. С. 201.
- 254 Энцикл. слов. / Брокгауз и Ефрон. 1895. Т. 14а. С. 584.
- 255 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 776.
- 256 Там же. Стб. 815.
- 257 Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 377.
- 258 Там же. С. 378.
- 259 Дашкевич Н. Княжение Даниила Галицкого. С. 132.
- 260 Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 377.
- 261 Там же. С. 377.

- 262 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 860.
- 263 Хроника Быховца. С. 131.
- 264 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 815.
- 265 Там же.
- 266 Там же. Стб. 816.
- 267 Там же.
- 268 Там же. Стб. 818.
- 269 Там же. Стб. 819.
- 270 Там же. Стб. 818.
- 271 Там же. Стб. 828–829.
- 272 Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 380.
- 273 Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 247, 259.
- 274 Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. С. 380.
- 275 Тарасов К. Память о легендах. Мн., 1984. С. 20.
- 276 Там же. С. 16.
- 277 Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 386.
- 278 Тезисы советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М., 1985. С. 132.
- 279 Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. С. 7.
- 280 Непокупный А. Указ. соч. С. 65.
- 281 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 830.
- 282 Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 380.
- 283 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 837–838.
- 284 Там же. Стб. 838.
- 285 Там же. Стб. 839.
- 286 Там же. Стб. 830–831.
- 287 История БССР. Т. 1. С. 65.
- 288 Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 378–379.
- 289 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 820.
- 290 Там же. Стб. 817.
- 291 Там же. Стб. 838–839.
- 292 Там же. Стб. 859.
- 293 Там же. Стб. 858.
- 294 Любавский М. Очерк истории Литовско-Русского государства. С. 16–17.

- 295 Livländische Reimchronik. V. 6471–6513.
- 296 Там же. V. 6514–6585.
- 297 Там же.
- 298 Вольтер Э. Указ. соч. С. 200.
- 299 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 860.
- 300 Там же.
- 301 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 860–861.
- 302 Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 383.
- 303 Новгородская I летопись. С. 574.
- 304 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 860.
- 305 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 861.
- 306 Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 383.
- 307 Там же.
- 308 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 861.
- 309 Гудавичус Э. С. Литва Миндовга. С. 220.
- 310 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 861.
- 311 Там же.
- 312 Там же. Стб. 862.
- 313 Там же. Стб. 863.
- 314 Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 409.
- 315 Боричевский И. Православие и русская народность в Литве. СПб, 1846. С. 74.
- 316 Белоруссия в эпоху феодализма. Т. 1. С. 75.
- 317 Там же.
- 318 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 868.
- 319 Соловьев С. М. История России. М., 1963. Кн. 2. С. 189–190.
- 320 Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1961. Т. 1. С. 357, 440; Т. 2. С. 311.
- 321 Улащик М. М. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1988. С. 147–158.
- 322 ПСРЛ. Т. 32. С. 25.
- 323 Там же. С. 20.
- 324 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 18–19.
- 325 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 163.
- 326 Цит. по кн.: Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963. С. 156.

КОНЕЦ КНИГИ